

ДЕТЕКТИВ

ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Дарья Калинина

Почему
мужчины
врут

Дарья Александровна Калинина

Почему мужчины врут

Серия «Сыщицы- любительницы Мариша и Инна»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=600057

Калинина Д. А. Почему мужчины врут: Эксмо; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-48144-6

Аннотация

Ну какая женщина равнодушно пройдет мимо ювелирного магазина? Если даже ничего не купит, то побалуует себя разглядыванием изящных переливающихся безделушек. Вот и Мариша не устояла перед искушением. И, между прочим, увидела, как некий молодой человек пытался продать с рук старинную погремушку – серебряного петушка на палочке, по его словам принадлежавшего царской семье Романовых. Конечно, Мариша не могла упустить такой шанс. Ведь у ее будущего ребенка, появления которого она ждала в скором времени, должно быть все самое лучшее, в том числе и игрушки, и за смехотворную цену купила раритет. А из вечерних новостей узнала, что в этот день был убит известный антиквар, из чьей коллекции, наряду с другими ценностями, похищена та самая серебряная погремушка. Купила, называется, баба... петушка!..

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	26
Глава 3	50
Глава 4	73
Глава 5	98
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Дарья Калинина

Почему мужчины врут

Глава 1

До чего же здорово ощущать себя будущей мамой! Чувства совершенно невероятные и какие-то удивительно теплые. И главное, даже не в тебе самой дело, сама-то ты рада до чертиков, и это понятно, все дело в окружающих. Все вокруг внезапно становятся страшно заботливыми, милыми и внимательными к твоей сиятельной персоне.

Мариша сама поняла это, едва сообщив своим родным о скором прибавлении в их семействе. Мама едва не упала в обморок от счастья. Муж прыгал до потолка, словно мальчишка. Соседи наперебой желали доброго здоровья и удачного завершения беременности. Правда, беременность почему-то они воспринимали не совсем так, как Мариша.

Чаще всего реплики со стороны были следующими:

– Как же вы решились?!

– Маленький ребенок – это такая ответственность!

– В вашем-то возрасте! А это не опасно?

И даже такие:

– С ума сошла? Зачем тебе эта докука?

– Жила себе счастливо, теперь хомут на шею повесишь!

И лишь одна Марья Семеновна – старушка из сорок пятой квартиры – ласково улыбнулась и сказала:

– Молодец, девочка! Правильно решила! Дети – это счастье. Поверь моим словам. Возможно, они и будут доставлять тебе массу хлопот и забот, возможно, ты будешь сильно уставать от них, но когда они вырастут и вылетят из родного гнезда, ты поймешь, какие же это все-таки были счастливые годы.

В принципе Мариша так далеко не заглядывала. Пока что ее больше интересовало, что же нужно приобрести для младенца, чтобы тот с первых же дней на этом свете чувствовал себя комфортно. Конечно, в первую очередь ребенку нужна своя собственная комната – детская. Если будет девочка, то ее следует отделать в бело-розовых тонах с максимальным количеством кружев, оборочек и рюшечек. А если мальчик... Тут Мариша несколько затруднялась с выбором, но полагала, что светло-зеленые стены и кровать в форме гоночного болида будут благосклонно восприняты ее будущим отпрыском.

Маришина мама, у которой в этом деле был большой опыт, чем у самой Мариши, по мере сил останавливала полет фантазии дочери.

– Ребятишки – народ живучий и неприхотливый, – говорила она. – Все, что им надо в первые месяцы жизни, – это уютная постелька, здоровая еда и крепкий сон. С окружающим миром они общаются лишь по своим собственным су-

губо физиологическим надобностям. Испачкались – кричат. Есть хотят – снова крик. Пить – тоже. Ну, или если животик болит. А больше ребенок кричать не должен. Если он сыт, хорошо поспал и ему тепло и сухо, то он счастлив. Во всяком случае, ты у меня была именно такая.

Мариша уже вдосталь наслушалась от мамы рассказов о том, каким замечательным ребенком была она сама. Просто удивительно, как это случилось. Ведь прежде у мамы находилось множество претензий к дочери. В том числе и к тому ее младенческому периоду.

Прежде-то Мариша была просто невозможным ребенком. Она никуда не отпускала от себя маму, устраивая настоящие скандалы. Уходя на работу, маме приходилось переодеваться из домашнего халатика в служебный костюм прямо на лестничной клетке, дрожа от холодного гуляющего по лестнице сквозняка и рискуя попасться на глаза соседям в одном нижнем белье. А в доме за закрытой дверью под присмотром бдительной бабушки в это время аккомпанементом к маминному стриптизу рыдала Мариша, кидаясь на дверь с воплями:

– Мама! Мама! Мама, вернись!

В детстве Мариша вообще с подозрением относилась к любым исчезновениям своей мамы. И даже когда та шла в туалет, дочь преданно дежурила возле закрытой двери, время от времени осведомляясь:

– Мама, а что ты там делаешь? Ну, мама?! Что ты там де-

лаешь? Скажи!

Но теперь все изменилось. Оказалось, что Мариша и в детстве была просто удивительным ребенком. Уникальным, замечательным, самым что ни на есть любимым на свете! И с годами любовь матери к ней все только росла и росла. А теперь, когда дочь и сама собиралась стать матерью и подарить бабушке долгожданного внука или внучку, материнская любовь буквально зашкаливала за все мыслимые и немыслимые отметки.

Сама Мариша была озабочена материальной стороной предстоящего материнства. И несмотря на запреты матери и многочисленные советы окружающих ни в коем случае не делать этого, Мариша уже приобрела несколько обновок для будущего сыночка или доченьки.

– Это к несчастью!

– Дурная примета!

– Никогда не следует ставить телегу впереди лошади, а колыбельку впереди ребенка. Пусть сначала родится, тогда все и сделаешь.

– А иначе накличешь на себя беду!

Мариша в подобные суеверия не слишком-то верила. Она вообще в приметы не очень верила. Ведь беды случаются не из-за примет. Они случаются... Ну, просто потому, что случаются. Но совершенно точно, что люди разоряются вовсе не потому, что подняли на улице чужую банкноту. И болеют не потому, что на них навели порчу. И разумеется, умирают

вовсе не по вине черных кошек, которые живут поблизости и бегают через дорогу.

Но все же Марише хотелось быть идеальной матерью. И она изо всех сил старалась быть благоразумной. Поэтому она хоть и купила для будущего малыша несколько костюмчиков, но купила их, что называется, «на вырост». Подбор цвета Мариша тоже продумала. Костюмчики были – желтенький, зелененький и бежевый. Они могли быть одинаково хороши как для мальчика, так и для девочки. Костюмчики Мариша взяла хоть и на разный рост и возраст, но почему-то принеся их домой и сравнив, поняла, что все они практически одинаковые по размеру.

– Ну, ничего! Зато они все очень хорошенькие. И ребеночку в них будет уютно.

И Мариша принялась рассматривать свои покупки. Какие же все одежки хорошенькие! Каждый костюмчик по-своему, но все три очень нравятся Марише. Хотя там в магазине был совершенно очаровательный розовенький, с кружавчиками, с блестками и еще с целой кучей вышивки. От его красоты у Мариши даже в глазах помутилось. Но она напонила себе, что должна быть благоразумной, и отошла от прилавка.

Желтенький, купленный ею первым, костюмчик был целиковый, но ручки и ножки ребенка оставались открытыми. Костюмчик был сделан из плотной махры на подстежке из тонкой байки. И по всей грудке и животу были вышиты очаровательные маленькие цыплятки, клюющие зернышки,

играющие в мячик и догоняющие червячка.

Второй костюмчик был бархатный с вышитыми утятами. К нему прилагалась такая же зелененькая шапочка и баретки. Ну а бежевый костюм из плотного трикотажа был «двойной». Толстенькие трикотажные штанишки с лодочками и чайками на них и симпатичная кофточка с бирюзовой вставкой, по которой плыла маленькая лодочка с парусом.

Рождение малыша предполагалось где-то в начале апреля, а в такую пору в Питере еще весьма прохладно. Да и летом тоже случаются холодные деньки. Будет лучше, если у малыша заранее окажется несколько более или менее теплых предметов гардероба. Ах, как бы Марише хотелось купить то розовое, воздушное и элегантное! Но вдруг как назло родится мальчик? Пожалуй, такая покупка станет для него плохим предзнаменованием.

Но все эти практичные покупки были сделаны с более или менее холодной головой. А вот на сегодня у Мариши был запланирован поход в магазин игрушек. Она давно решила пойти туда и порадовать и себя, и будущего ребенка.

И пусть все в один голос говорят, что новорожденные младенцы ничего не видят, практически не слышат и вообще пребывают в полукоматозном состоянии. Плевать! Она в эти сказки не верит. Ее ребенок будет все понимать с самого рождения! И конечно, он будет самым умным, самым развитым и самым замечательным малышом на свете!

И само собой разумеется, Маришин прекрасный ребенок

будет окружен с самого первого дня веселыми добрыми друзьями – мишками, клоунами, куклами и синими бегемотиками. Вся детская будет забита ими! Ну, и конечно, еще погремушками, музыкальными каруселями и прочими интересными для ребенка вещами. У него будет все и... и еще немножко.

Прекрасно понимая, что родные не одобряют ее порыва и в чем-то будут отчасти правы, Мариша отправилась в магазин игрушек тайком. Вчера у нее состоялся обстоятельный разговор со Смайлом – ее мужем относительно розового летнего платица в белый горошек, которое он обнаружил на своей полке. И что его туда потянуло? Никогда раньше сам за своими носками не лазил, а тут вдруг его прихватило!

Мариша нарочно спрятала на полку Смайла эту покупку, твердо уверенная, что это будет последнее место в доме, куда муж додумается заглянуть. И вот невезуха! Смайл взял и заглянул. И обнаружил не только платье, но еще и ярко-синюю матроску с брючками клеш и ужасно расшумелся.

– Тебе не кажется, что оба эти предмета прямо противоположны друг другу? Кого мы ждем? Мальчика или девочку?

– Мальчика, – не колеблясь, ответила Мариша.

– А если подумать?

– Ну... или девочку.

– И кому из них предназначаются эти обновки?

– Обоим! – выпалила Мариша, и на глаза у нее наверну-

лись слезы.

Ну, что он к ней прицепился с каким-то костюмчиком?! Далось ему это платье! Подумаешь, что оно стоит, как взрослое вечернее! Эти вещи всегда можно вернуть в магазин. Нет... Пожалуй, вернуть жалко будет. Они ведь такие красивые.

Но их... их всегда можно кому-то подарить! Да, подарить оно самое то! Все будут рады такому подарку. И потом, вокруг ведь полно новорожденных младенцев! Любая мать будет рада получить в подарок красивую одежду. Абсолютно любая!

– Потому что, если видишь в магазине что-то симпатичное для ребенка – это надо брать немедленно! – втолковывала Мариша мужу, когда немного успокоилась, а Смайл принес ей свои глубокие и искренние извинения, скрепленные горячим супружеским поцелуем. – Это как со взрослыми, только еще сложнее. Ведь для взрослых магазинов полно, а для маленьких детей единицы! Например, ближайший к нашему дому находится в двух автобусных остановках. И выбор там совсем не велик. Так что, если видишь симпатичную вещичку, надо ее хватать, пока другие желающие ее не урвали. И неважно, что она пока что малышу будет велика. Дети растут быстро.

– А ты не боишься, что за то время, пока растет ребенок, вещь выйдет из моды?

– Ну, не настолько же я забегаю вперед. За полгода клас-

сический костюм-тройка из моды не выйдет!

Мариша произнесла это и тут же пожалела о собственной откровенности. Но было уже поздно. Смайл насторожил уши:

– Костюм? – произнес он. – Тройка? Для младенца? А галстук ты ему еще не прикупила?

Чувствуя, что разговор вновь принимает нежелательный оборот, тем более что хорошенький синий шелковый галстук с красными мишками уже лежал у нее, припрятанный за собственными лифчиками, Мариша воскликнула:

– Ну а игрушки? Надеюсь, против игрушек ты не будешь возражать? Прекрасные развивающие игрушки, которые помогут нашему ребенку быстрее освоить окружающий его мир! Сделают его с первых же шагов всесторонне развитым человеком! Умником! Отличником!

И какой отец втайне не хочет гордиться своим отпрыском? Таких просто нет. Все люди тщеславны до невозможности. И их дети – это одно из наиважнейших достижений в этой жизни. Чем успешней ребенок, тем более горд и счастлив его родитель. Вот и Смайл не стал исключением.

В ответ на слова жены он кивнул своей густой рыжей гривой и важно сказал:

– Насчет игрушек – это ты права. Тем более что у нас будет детская комната. Чем же ее и забить до потолка, как не игрушками?

Мариша промолчала о том, что уже заказала для детской

мебель в двух комплектах. Один для девочки, другой для мальчика. И даже отдала предоплату. Как она будет получать деньги за один из гарнитуров назад, Мариша предпочитала сейчас не думать. В конце концов, у нее есть темы для размышлений и поприятнее.

Получив карт-бланш на посещение игрушечного магазина, Мариша немедленно решила этим воспользоваться. И уже сегодня появилась в магазине игрушек.

О-о-о! Чего тут только не было! Мягкие игрушки всех цветов и размеров. Некоторые прямо-таки устрашающих размеров, которые поместятся разве что в замках или в домах вроде них. Слоники, лошадки и ослики, на которых можно кататься, качаться, прыгать и с которыми можно даже разговаривать. Многочисленные армии плюшевых медведей всех цветов, мастей и пород!

А также куклы! Куклы-младенцы, куклы-мальчики, куклы-девочки, куклы-девушки, куклы уже совсем взрослые женщины и даже куклы-старушки и старички. Ну, и конечно, посуда для них, домики, мебель, одежда, украшения и все прочие аксессуары.

Походив между прилавков, Мариша откровенно забуксовала среди этого изобилия.

– Могу я вам чем-нибудь помочь? Что вас интересует?

С этими словами возле Мариши возникла миловидная круглолицая девушка с ямочками на щеках. При одном взгляде на нее становилось как-то удивительно спокойно и

уютно. Жизнерадостная улыбка трепетала на губах у девушки. И смотрела она очень приветливо.

– У вас будет малыш? – спросила она, взглянув на Маришу. – Покупаете игрушки для него? Тогда вас, наверное, в первую очередь заинтересует наш отдел младенческих радостей.

– Отдел младенческих радостей?

– Ну, это я его так называю, – засмеялась продавщица. – У меня у самой есть дочка. Ей всего лишь полтора годика, но она такая умница! А все благодаря тому, что с самого рождения она была окружена хорошими игрушками. Яркими, музыкальными и при этом познавательными!

– Ой, мне тоже надо такие! – обрадовалась Мариша. – Ведите меня к ним! Скорее!

Отдел для новорожденных занимал собой пространство примерно так в шесть соток. И оно было плотно заставлено стеллажами, на которых в четыре ряда громоздилось множество коробок разных размеров и расцветок.

– Вы уже знаете, кто у вас будет? Мальчик или девочка?

– Нет, – растеряннотозвалась Мариша, пытаясь обозреть все пространство с «малышковыми» играми. – Пока нет.

– Ну, пол ребенка при выборе игрушек для таких маленьких малышей – это и не принципиально, – заверила ее продавщица. – Где-то до года дети вообще не понимают, кто они такие – мальчики или девочки. А цвет их костюмчиков зависит исключительно от вкуса их мам. Но что бы вы лично

для себя хотели?

– Я не знаю! – растерянно отозвалась Мариша, разглядывая длинные шеренги всевозможных говорящих ферм, мяукающих кошечек, гавкающих собачек и даже жирафов, знающих наизусть весь латинский алфавит и охотно делящихся с окружающими.

Вот интересно, почему жираф знает именно английские буквы, а не мозамбикские или где там в Африке водятся жирафы? Но сам жираф Марише понравился. К тому же к нему в наборе прилагался пластмассовый лев, который пел веселые мелодии, целых тридцать штук. И совсем маленькая зеленая уточка на колесиках, которая весело крякала, вперевалочку катаясь по квартире.

– Можно вот этот наборчик?! – воскликнула Мариша. – Какая прелесть!

– Конечно. Только вряд ли ваш грудничок сразу его оценит. Возьмите еще музыкальную карусель.

– А ее зачем?

– Подвесите у ребенка над изголовьем кровати. Игрушки станут медленно крутиться перед его взглядом, будет играть приятная тихая музыка. И вашему ребенку будет отличное развлечение. Только берите на батарейках, такие карусели убаюкивают ребенка достаточно долго, чтобы он заснул.

– Обязательно возьму! – с живостью откликнулась Мариша. – Карусель – это непременно! А еще что?

– Погремушки. У нас отличный выбор погремушек. Все

они сделаны из экологически чистых материалов. Любую из них ребенок может засунуть себе в рот без риска подавиться.

Мариша с азартом кинулась к стенду с погремушками и тут же замерла перед ним. Это что-то невероятное! Какие яркие попугаи! Какие удобные изогнутые ручки! А это что? Что за странная хреновина?

– А это мобиль Мебиуса!

– Что? – удивилась Мариша.

– Ну, петля Мебиуса!

– Что?

– Ну, кривая в виде замкнутой восьмеркой ленты, не имеющая ни начала, ни конца. Смотрите!

И девушка ловко развернула восьмерку, придав ей форму двух незамкнутых колец. Потом свернула иначе и получилось что-то объемное и очень странное. Мариша смотрела на это чудо, словно замороженная.

– Игрушка выполнена из нескольких материалов, которые чередуются между собой и позволяют малышу через тактильные ощущения познавать мир. Видите, тут резиновая поверхность. Она отличается от шершавой металлической. А вот гладкая и прозрачная пластиковая. Она внутри полая и в ней шарики для привлечения внимания.

– Беру!

Правда, цена игрушки несколько уредила пыл Мариши. Как могут шесть кусочков пластика, металла и резины стоить почти тысячу рублей? Но она все равно купила ленту Ме-

биуса. Как же упустить такую замечательную развивающую вещь? И название звучит так благородно, по-научному!

— А вот книжка для грудничков, — продолжала суетиться продавщица. — Как видите, у нее мягкие странички снаружи, а внутри они иногда хрустят, иногда скрипят, а иногда даже и пищат. Ребенок мнет их в руках, и каждый раз они издают разные звуки.

— Беру!

— А вот погремушки с колокольчиками.

— Беру!

— Поильник с шариками.

— Беру!

— А...

— Беру!

Из магазина Мариша уходила буквально навьюченная покупками. Какое счастье, что ее машина стоит неподалеку. Сейчас Мариша загрузит все детские покупки в машину, а потом спокойно пройдет еще немного. М-м-м... А куда потом ей девать все купленные игрушки? Мариша чувствовала, что она несколько увлеклась и купила больше, чем было оговорено.

Может быть, отвезти игрушки к маме? Пусть она потом приносит по одной, а Смайлу совсем не надо знать, что все полтора десятка погремушек, не говоря уж о прочем, приобрела именно его жена. Успокоившись этим решением, Мариша загрузила покупки в багажник своего «фордика», по-

путно порадовавшись тому, какой он вместительный.

А затем, распрямившись, огляделась по сторонам. На глаза ей немедленно попала яркая вывеска. О! Ювелирный магазин! Вот туда-то ей и надо! Давно пора приобрести себе какие-нибудь сережки, ну, или колечко. Да и Смайлу не повредит красивый перстень или запонки. Можно еще зажим для галстука, хотя Смайл галстуков и не носит.

Тем не менее Мариша двинулась в сторону ювелирного магазина. Какая женщина не любит украшения? Во всяком случае, Мариша точно обожает!

Поэтому, оказавшись на углу Невского и Лиговского проспектов, она не колебалась. Перед ней была вывеска «Ювелирный», и она тут же зашла в магазин.

– Добрый день.

Мариша огляделась и немного удивилась. Странно, обычно ювелирные магазины занимают куда большие по размеру помещения. Но впрочем, сейчас ведь кризис. Возможно, объем товара урезан. Надо надеяться, что не в ущерб качеству.

Пока Мариша разглядывала прилавки, никто к ней не подошел. Единственная продавщица была занята с каким-то парнем, с которым она вела жаркий торг по поводу какого-то предмета у него в руках. Мариша слегка удивилась, что в магазинах теперь можно торговаться. Но быстро засунула свое высунувшееся советское сознание куда подальше и прислушалась к диалогу, который велся в другом конце магазина.

– Три!

– Десять!

– Три с половиной!

– Десять!

– Четыре!

– Нет! Десять! Я и так отдаю за десятую часть ее цены. Да что там за десятую! За сотую! За тысячную! Эта вещь бесценна! Ею в колыбели забавлялся еще сам император Александр!

Услышав последнюю фразу, Мариша моментально переместилась поближе к спорящим. Что у них там? Ей это обязательно надо знать!

Она уже смекнула, что оказалась не в обычном ювелирном магазине, а в примыкающем к нему вплотную ломбарде.

А тем временем парнишка продолжал настаивать:

– Сами взгляните, какая вещица! Неужели десять тысяч рублей за нее – это дорого?!

– Дорого! – твердо заявила продавщица. – Мы принимаем изделия по цене лома. И при всей моей к вам симпатии цена за сие изделие сильно завышена. Цена лома всего две с небольшим тысячи.

– Лом! – воскликнул молодой человек. – Это невероятно! О чем вы говорите? Это не лом! Старинное литье! Это художественная ценность! Историческая! Уникальная!

При этих его словах Мариша еще больше заинтересовалась. Что у него там? И она подошла еще ближе. Продавщи-

да стрельнула в ее сторону враждебным взглядом, но Марише было все равно. Она тут такая же посетительница, как и молодой человек с... С чем же он там пришел?

– Повторяю, никак не могу принять у вас вещь дороже четырех тысяч! И то исключительно, если я возьму ее для себя. Принять я ее могу лишь по цене лома. А это будет еще дешевле.

– Так и возьмите! У вас есть дети? Возьмите для них! Они будут сосать погремушку самого императора Александра Второго!

Услышав это, Мариша едва не грохнулась в обморок. Любопытство ее буквально зашкалило за все пределы достижимого. Что же там такое предлагает молодой человек? Погремушку? Императора Александра Освободителя? Просто невозможно не посмотреть на эту вещь!

Но молодой человек, пристававший к продавщице, как раз в этот момент кинулся за дверь. Он явно разубедился в том, что сможет создать плодотворный альянс с продавщицей. И собирался удрать в другое место. Нельзя было этого допустить!

Мариша поспешила за ним. И в три могучих прыжка (помогли все-таки занятия лечебной физкультурой для беременных!) нагнала парнишку.

– Стой! – выдохнула она. – Что это у тебя за погремушка? Парнишка кинул на нее пыливый взгляд:

– А вам нужно?

– Да!

Поколебавшись ровно секунду, парнишка верно оценил горящий взгляд Мариши и протянул ей на ладонке нечто серебристое и на палочке. Приглядевшись, Мариша поняла, что это не что иное, как сделанный из серебра петушок на палочке.

– Если его потрясти, то внутри зазвенят колокольчики, – сказал парень.

Ну, потрясти и потрясти. Что тут, казалось бы, такого? Мариша только что купила тысячи куда более ярких и новых погремушек. Но почему-то она глаз не могла отвести именно от этой.

На голове петушка топорщился гребешок. Каждое перышко на его оперенье было отчетливо видно. Крылья, пышный хвост, мощная грудка. И даже чешуйки и шпоры на лапках у петушка были выполнены с полной натурализацией, но при этом так, что поцарапать младенца никак не могли.

– Какая красота! – невольно выдохнула Мариша, оценивающе вертя в руках петушка.

– Вам нравится?

– Очень красиво!

– Это коллекционный экземпляр, – похвастался молодой человек.

– В самом деле?

Мариша с сомнением окинула наряд паренька. Однако на богатого человека он совсем не тянет. И даже совсем непро-

тив. Вещи на нем старомодные. Хорошего качества, но бывшие в обиходе свыше десяти-пятнадцати, а то и двадцати лет назад. Что за коллекцию мог собирать этот странный юноша?

Да и сам паренек не производил благоприятного впечатления. Волосы густые, но засаленные. Брюки снизу заляпаны грязью. Ботинки тоже давно не чищены. И еще щетина на щеках, двух-, а может быть, уже и трехдневная!

– М-м-м... – в сомнении протянула Мариша. – Коллекционный экземпляр? А из какой коллекции?

– Понимаете, – сбивчато начал говорить молодой человек, – мне от моей бабушки досталась коллекция старинного серебра. У нас с бабушкой никого близких больше нету. Мои отец и мать умерли, когда я был еще младенцем. Бабушка усыновила меня и воспитывала как собственного ребенка. Мы так любим друг друга! Но теперь моя бабушка тяжело больна. Для излечения от болезни ей необходимо хирургическое вмешательство. И что нам делать? Мы вынуждены распродавать коллекцию!

В глазах молодого человека мелькнуло отчаяние. А Мариша устыдилась своих первоначальных мыслей на его счет. Ясно, что ботинки ему почистить некогда, потому что он денно и ночно ухаживает за больной бабушкой. Денег даже на ваксу не хватает. Парень мотается в больницу каждый день, варит и возит старушке бульон или рагу из телятины. Поэтому и побриться ему некогда. Да и телятина нынче не дешева!

– Врачи потребовали за операцию тридцать тысяч! – продолжал говорить молодой человек. – Если купите эту погребушку, то оставшиеся двадцать тысяч у нас уже есть!

Ну, и как тут Мариша могла отказаться? Разумеется, она тут же сходилa к ближайшему банкомату, сняла необходимую сумму и торжественно вручила ее любящему внуку. Как редко в наши времена встречаются такие молодые люди! Вот если бы собственные Маришины внуки были бы такими же внимательными! Но чтобы иметь заботливых внуков, надо сначала заиметь собственное чадо!

– Десять тысяч на лечение твоей бабушки – это ерунда! – сказала Мариша, отсчитывая деньги. – Только, умоляю тебя, не надевай больше пиджак своего дедушки! Честное слово, даже если у вас совсем нет денег, то возьми лучше дедушкин шерстяной свитер!

Ответа Мариша так и не дождалась. Едва молодой человек получил свои деньги, как бесследно растворился. На память о нем в руках у Мариши остался лишь серебряный петушок. Тот самый, которым, по словам молодого человека, в младенчестве забавлялся сам император Александр. Интересно, а под каким номером? Ах да! Вроде бы это был император Александр Второй. Надо бы уточнить, был ли этот человек счастлив в своей жизни?

Ведь иногда величие и карьера отнюдь не являются основополагающими факторами для счастья в этой жизни!

Следующие четверть часа Мариша провела за любовани-

ем петушком. Как же он был хорош! Просто чудо! Перышко к перышку! Гребешок топорщится! Глаза горят здоровым блеском! И при этом ни капли враждебности в облике! Очень внимательный, усердный петушок. Заботливый и добрый.

Мариша помнила, как ее мама рассказывала о летних месяцах в деревне у ее бабушки. Там тоже были петушки. И мама рассказывала о своих детских впечатлениях вот что:

– Так вот один петушок у бабушки был драчун и забияка. Бил всех курочек, обижал цыплят и в конце концов за такое свое поведение угодил в наш бульон. А другой петушок, его родственник, был совсем другим. Он очень заботился о всех своих супругах и детях. Как найдет червячка, сразу же кудахчет, зовет курочек на обед. Червяк один, куриц много, но петух ходит промежду них и собой страшно доволен. Никогда себе ничего в рот не возьмет, сначала своих курочек позовет на угощение. Очень был заботливый!

Вот и Марише показалось, что этот петушок на погребушке был именно таким – заботливым, внимательным и серьезным. Судьба подопечных ему курочек занимала его больше всего. А если попадались осиротевшие гусята, утята или индюшата, он и их, должно быть, брал под свою опеку. Птицам негоже между собой ссориться. У всякой водоплавающей или другой какой птицы и без того врагов на свете хватает!

Одним словом, очень хороший попался Марише петушок.

Ей он сразу приглянулся. И серебряный он был или нет, не имело значения. Марише показалось, что именно такая игрушка может пригодиться ее малышу. Ведь то, вырастет ли малыш хорошим человеком, зависит от того, что он будет держать в руках с первой минуты своей жизни. Непонятную ленту Мебиуса или такого вот старинного петушка.

Глава 2

Дальше Мариша отправилась к себе домой. Купленный петушок лежал у нее в сумке. И по какой-то причине она опасалась продемонстрировать свою покупку мужу. Смайл обязательно бы поинтересовался, как к ней попала эта вещь. И что сказала бы ему Мариша? Она купила погремушку для их еще не рожденного ребенка с рук? Мало того, погремушка не выглядит такой уж новой. И даже напротив, выглядит она очень старой и к тому же еще покрытой налетом времени – патиной.

– Темный налет на серебре легко отчистить! – проинформировал Маришу парнишка – продавец. – Но вы лучше ничего специально не чистите! Промойте игрушку в растворе мыльной воды, а потом сполосните чистой проточной водой. И все! Больше никакие окислы на вашей погремушке не образуются.

Придя домой, Мариша первым делом так и поступила. Помыла погремушку сначала в мыльной воде, а потом сунула петушка под кран. Но все равно петушок оставался покрытым каким-то налетом, словно пленкой.

– Нет, так не пойдет! – решила Мариша и придвинула к себе стаканчик, из которого топорщились разнообразные тюбики зубной пасты.

Совсем недолго поколебавшись, она взяла немного отбе-

ливающей пасты, щедро добавила к ней «Жемчуга», а затем принялась надраивать петушка получившейся влажной массой. Через пять минут погремушку было просто не узнать. Она сверкала так, что любо-дорого посмотреть.

– Ну вот, теперь полный порядок! – успокоилась Мариша и понесла погремушку в комнату.

Муж петушка одобрил.

– Красивая вещица. Наверное, дорого стоит?

– М-м-м... Нет. Ерунду.

Но Смайла петушок заинтересовал. Он повертел его в руках и снова спросил:

– Это серебро?

– М-м-м... Мельхиор, наверное.

– На мельхиор совсем не похоже. И тут проба. Ого!

– Что? – заволновалась Мариша. – Что-то не так?

– Тут еще клеймо какое-то имеется. Похоже, старинное.

– Слушай! Отдай погремушку мне! – не выдержала Мариша.

Знала бы, что Смайл так вцепится в этого петушка, держала бы покупку в тайне до самого последнего момента. Или сразу же отдала бы сыночку. Пускай бы потом Смайл попробовал отнять у младенца его погремушку!

– Тут клеймо, – повторил Смайл. – Похоже на императорскую корону. Это что, царская игрушка?

– Ерунда, – попыталась отмахнуться Мариша.

Но муж на ее удочку не попался и возразил:

– Нет, не ерунда. Тут еще и двуглавый орел имеется. Это ведь символ вашей царской фамилии? Романовых, если я не ошибаюсь?

– Не знаю, – ответила Мариша, чувствуя, как у нее по спине ползут неприятные мурашки.

Если уж даже ее муж-иностранец просек, до чего ценен этот петушок, то что говорить про остальных! И зачем она только купила эту погремушку? Наверное, парень ее где-то украл! А где? Возможно, в музее! В Эрмитаже!

И теперь Мариша стала пособницей кражи из самого известного музея России! О, ужас!

– Ты что-то побледнела, – заметил Смайл, подняв глаза на жену. – Плохо себя чувствуешь?

Мариша мигом ухватилась за брошенную ей соломинку.

– Да, – с жаром откликнулась она. – Живот тянет. И спина болит.

– Приляг! – Смайл мигом вскочил на ноги. – Приляг скорее! Тебе нельзя много ходить. Ляг! Отдохни! Успокойся!

Мариша опустилась на диван, счастливо улыбаясь. Какой у нее заботливый и хороший муж! И как же им легко управлять! И про петушка-то Смайл сразу же забыл, чего, собственно говоря, и добивалась Мариша, затеявшая весь этот спектакль.

Ничего она себя плохо не чувствовала. Просто испугалась, представив грозящие ей последствия ее необдуманного поступка. Узнав, что петушок – это коллекционная вещь,

надо было не хватать понравившуюся игрушку, а бежать в милицию и требовать, чтобы подозрительного паренька вместе с его серебряным петушком задержали прямо на месте.

– И что мне теперь делать? – прошептала Мариша, когда Смайл унесся на кухню, чтобы приготовить там для жены травяной чай. – Кому пожаловаться?

До самого вечера Мариша пересматривала различные варианты. Но в результате так ничего и не решила. Идти сейчас в милицию было уже поздно. Паренек уже исчез, и где его искать, Мариша не представляла.

– И потом, с чего я взяла, что петушок именно украден? Очень может быть, что мальчишка рассказал мне правду.

Но что-то мешало Марише до конца поверить в правдивость рассказанной парнишкой истории про больную бабушку. И даже более того, чем дольше Мариша размышляла над этим, тем отчетливей ей становилось ясно, что парнишка ей соврал.

Да и внешний вид продавца должен был насторожить Маришу. Трясущиеся руки, красные воспаленные глаза, общий вид неухоженного и не следящего за собой человека. Тогда Мариша списала все это на волнение и страх за больную бабушку, но теперь, размышляя, была склонна думать иначе.

– Парень либо наркоман, либо алкоголик! А у таких людей серебряные погремушки дома обычно долго не залеживаются.

И все же к вечеру Мариша немного успокоилась. То ли

сыграл свою роль травяной чай, который заварил ей Смайл, то ли просто Мариша устала волноваться, но она уютно свернулась под теплым пледом и заснула. Разбудил ее голос диктора, вещающего по одному из региональных каналов. Поморгав, Мариша поняла, что уже наступил вечер, а по телевизору показывают их местные новости.

– Проснулась? – ласково усмехнулся Смайл, лежащий с журналом рядом. – А я уж думал, что ты так до самого утра и проспишь.

Но Мариша лишь мельком взглянула на мужа. Ее внимание приковал к себе диктор, который сообщал о смерти некоего гражданина Воронцова, убитого вчера вечером у себя в квартире.

– Господин Воронцов был хорошо известен в исторических кругах нашего города как большой знаток и ценитель предметов искусства. Доктор искусствоведческих наук, он имел несколько научных работ, переведенных на многие языки мира. Но господин Воронцов был также известен как очень знающий коллекционер. Видимо, его ценнейшая коллекция и стала причиной смерти пожилого человека. Злоумышленники проникли в его квартиру через дверь, оглушили хозяина, а затем вынесли из квартиры все ценное, включая также и несколько наиболее дорогих экспонатов коллекции господина Воронцова. В их числе было несколько предметов, принадлежащих еще семье Романовых, а также другие уникальные вещи, приобретенные господином Во-

ронцовым на различных аукционах мира.

Дальше Мариша не слушала. В это время на экране появились фотографии из коллекции погибшего господина Воронцова. И Мариша сдавленно ахнула.

– Что? – немедленно подскочил Смайл. – Тебе снова нехорошо? Сделай чаю?

– Да, пожалуйста.

– Может быть, еще и таблеточку принести?

– Да. И таблеточку тоже.

Смайл убежал на кухню, а Мариша перевела дыхание. Слава богу, что ей удалось отвлечь внимание мужа. Но нет, не удалось! Уже выходя из комнаты, Смайл бросил взгляд на экран телевизора и внезапно замер на месте.

А затем воскликнул, обращаясь к жене:

– Мариша! Посмотри! Это же тот самый петушок, что ты купила сегодня? Разве нет?

– Ну что ты! Совсем не похож!

– А мне кажется, один в один!

– Нет, ты ошибаешься. Тот петушок весь черный, а наш блестит!

– Покрыт налетом, вот и черный. Мариша, признайся, ты ведь его мыла?

– Ну что ты!

Но тут же Мариша почувствовала, как предательски краснеет. У нее даже уши запыхали двумя маленькими факелами. И конечно, Смайл это немедленно заметил. Он зажег

верхний свет в комнате и пытливо уставился на жену. Мариша постаралась сделать вид, что ровным счетом ничего не происходит. И специально не смотрела на Смайла.

– Мариша! – услышала она требовательный голос мужа. – Где ты взяла этого петушка? Отвечай мне!

– Купила.

– Где? В магазине?

– Да. Верней, не совсем в магазине, а... а рядом.

– Рядом? Как это рядом?

– Ну, перед магазином.

– Что это значит, рядом? Ты купила погремушку для нашего ребенка... с рук?

Голос мужа звучал слишком настойчиво, чтобы Мариша решилась соврать. Великий Боже, и за что ей все это? Что плохого она сделала? Всего лишь хотела порадовать своего будущего ребеночка, вот и купила ему приглянувшуюся вещь. За что же ее ругать?

Но все же Марише пришлось выложить мужу все правду о том, как была ею совершена эта покупка. Ругать ее Смайл не стал. Он просто задумчиво посмотрел на жену и произнес:

– Иногда ты выкидываешь такие фокусы, что я не знаю, что и думать. Ты маленький ребенок или все-таки взрослая женщина?

– Не ругай меня! – на всякий случай напомнила ему Мариша. – Мне нельзя волноваться!

– А скупать ворованное, значит, можно!

– Но я же не знала, что погремушка ворованная!

– Позволь тебе напомнить, что незнание законов не освобождает от ответственности.

– Н-на ч-что ты намекаешь? – дрожащим голосом спросила у него Мариша.

– Я не хочу, чтобы мою беременную жену посадили в тюрьму за кражу и убийство.

– Я никого не убивала! – содрогнулась Мариша.

– Очень на это надеюсь. Но все равно мы с тобой должны немедленно пойти в милицию и все там рассказать!

Мариша в ответ только вздохнула. Должны, кто же спорит? Но как не хочется! Мамочки родные, как же ей этого не хочется делать!

В милиции Маришу со Смайлом внимательно выслушали. Записали их паспортные данные, а затем сказали, что этим делом занимаются на Литейном и что супругам надо туда, а не к ним.

– Поедете туда завтра с утра. Спросите следователя Воронцова.

– Воронцова? Но ведь это же фамилия убитого коллекционера?

– Верно. Дело ведет его сын, – кивнул дежурный. – Николай Воронцов. Уверен, он будет счастлив получить от вас ниточку в деле убийства его отца. Впрочем, если хотите, поищу вам номер его мобильного.

Разумеется, Мариша со Смайлом хотели. Им совсем не улыбалось провести тревожную ночь. Лучше уж все выяснить до конца прямо сейчас.

Телефон Воронцова нашелся. И Николай сразу же согласился приехать. И даже не в отделение, а прямо домой к свидетелям.

Следователь Воронцов оказался подвижным худощавым мужчиной лет тридцати семи – сорока. Не красавец, но глаза у него были умные и очень цепкие. А нос длинный и какой-то очень подвижный. Мариша еще подумала, что именно такой нос и должен быть у хорошей ищейки, но не успела озвучить свою мысль вслух.

Едва увидев серебряного петушка, Воронцов воскликнул:

– О боже! Что вы с ним сделали?

– Мы... Мы... это... того... Помыли его!

– Я и вижу, что помыли! А зачем?

– Как это зачем? – удивилась Мариша. – Потому что он был грязный!

– Вместе с грязью вы смыли все улики!

Воронцов был явно в отчаянии. И чувствуя отчасти свою вину, Мариша попыталась его утешить.

– Но зато я могу описать вам внешность грабителя.

– Зачем мне его внешность? Я и так прекрасно знаю, кто там работал!

И следователь понурил плечи, словно на них внезапно легла стопудовая тяжесть.

– Это был мой племянник, – произнес он упавшим голосом. – Сын моего родного брата.

И он достал из бумажника небольшую фотографию.

– Он?

Мариша взглянула и вернула фотографию обратно.

– Он!

– Это он продал вам петушка?

– Да. Он.

– Вот видите, – горько произнес Воронцов. – Дурное семья.

На фотографии продавший Марише погремушку молодой человек выглядел гораздо лучше, чем в жизни. Он был аккуратно причесан, одет в красивую, чистую и старательно наглаженную рубашку. Да и взгляд у него был совсем другой – прямой и открытый. И глаза ярко блестели, как и положено у здорового и полного сил молодого человека.

– Простите, пожалуйста! – воскликнула Мариша. – Я не знала, что погремушка ворованная!

– Понимаю. Наверное, Ваня наплел вам целую историю о рано умершей матери, о больной бабушке, об операции, о голодной маленькой сестренке, которую могут забрать в детский дом, если бабушка умрет, да?

– Сестренки не было. А все остальное в принципе верно.

– Он всегда врет одно и то же, – вздохнул Воронцов. – Не верьте ему, мать у него жива и вполне благополучна. И бабушка тоже.

– Значит, ваш племянник уже не впервые крадет у своего

деда?

– Только тех эпизодов, о которых сообщали мне, на моей памяти было не меньше трех. И я уверен, что отец замалчивал большую часть таких случаев. Не говоря уже о том, что он сам регулярно давал Ване деньги, которые тот и просаживал.

– Зачем? Зачем же было давать парню деньги?

Воронцов понурился еще больше. Чувствовалось, что ему необходимо выговориться. Со своими коллегами обсуждать это дело он не мог, слишком оно было для него личное. Друзья и родные тоже не подходили, они слишком хорошо знали преступника, и диалога бы с ними не получилось. Нужны были посторонние слушатели. И Мариша с мужем идеально подошли на эту нелегкую роль.

– Ваня употребляет наркотики, – наконец произнес он.

Мариша переглянулась со Смайлом и вздохнула:

– Мы так и поняли.

– Отец у Вани рано умер. И боюсь, что мать слишком избаловала моего племянника. Давала ему слишком много послаблений. Жалела его, ведь он, на ее взгляд, был бедным сироткой. Ну, вот парень и связался с дурной компанией. А эта коза... Вместо того чтобы сразу же сообщить нам с дедом, что у Ваньки проблемы с его друзьями и наркотиками, начала замалчивать и выгораживать парня. Когда мы с дедом спохватились, у парня были уже явные проблемы. Он таскал из дома вещи, воровал, и дело дошло даже до того, что Вань-

ка угодил в милицию.

Когда Николаю Воронцову сообщили о том, что задержан некий Иван Воронцов по обвинению в краже, он не сразу поверил, что речь идет о его родном племяннике.

– Представляете, ехал и был уверен, что увижу чужого парнишку. Однофамильца, возможно, очень дальнего родственника, но никак не нашего Ваню!

Впрочем, сначала Воронцов и не узнал племянника в том грязном и агрессивном пареньке, который сидел в «обезьяннике» вместе с другими задержанными – бомжами, проститутками, мелкими воришками и наркоманами.

– Мы ведь не сразу смекнули, что паренек твой племяш, – говорил Николаю дежурный. – Если бы парень сам не брякнул, что дядя у него следователем работает на Литейном, ни-почем бы не догадались.

И прежде чем Николай сумел найти подходящие слова для ответа, оперативник спросил у него с явным укором:

– Как же ты допустил, что парень на наркоту подсел, а?

Все слова у Николая окончательно пропали. Его племянник – наркоман? Сын его дорогого, рано ушедшего из жизни брата ворует у старушек кошельки? Это невероятно! Быть такого не может! Лучше смерть, чем такая правда!

Но оказалось, что может. И тот случай был всего лишь первой ласточкой. Конечно, Ваню в тот раз отпустили. Родной дядя поручился, что возьмет парня на заметку, на поруки. Поклялся, что Ваню будут лечить и не дадут ему больше

воровать.

Кому-то другому навстречу бы ни за что не пошли, но Николай знали давно. Сослуживцы его уважали за то, что не делал никому подлостей, никого не подсиживал и честно выполнял свою нелегкую работу. За такого дядю юного наркомана жалели, ему даже пытались помогать. И Ваня выходил сухим из воды еще много раз.

– Но наркотики племянник не бросал. Мы его лечили, клали в больницы, отправляли в реабилитационные центры и даже возили в монастыри. Мой отец – атеист и безбожник – сам лично ездил на поклон к святым иконам, чтобы те помогли исцелить Ваню.

Увы, никакие средства не помогали. После проведенного лечения Ваня на время утихал. Но едва ему в руки попадали деньги, как он топал по проторенной дорожке, по хорошо ему известному адресу. Николай Воронцов старался как мог, чтобы спасти своего племянника. Он постарался ликвидировать все точки сбыта наркотиков, которые имелись возле дома племянника и где он обычно отоваривался.

Но добился Николай лишь того, что его Ваню стали опасаться. Все барыги смекнули, что у Вани дядя – мент. И что это он прикрывает те точки, где отоваривается племянник. Но наркоман быстро нашел выход. Он стал ездить в другие районы. И брал наркотики уже не сам, а через подставных лиц. Разумеется, это получалось дороже. И теперь у Вани на наркотики уходило еще больше денег.

– У деда он уже крал не один раз. Тот не мог не выпустить внука в свой дом. А Ваня этим пользовался. И всегда уходил от своего деда с добычей.

Вот и в этот раз камеры зафиксировали присутствие Вани в квартире деда. Записали они также и тот момент, когда Ваня, воровато оглядываясь по сторонам, опускал в карман своих брюк серебряного петушка на палочке – детскую погремушку семьи Романовых.

– У отца почти вся его коллекция хранилась в специально оборудованном сейфе. Даже не в сейфе, а в хранилище. В коллекции отца были не только ювелирные изделия, но изделия из слоновой кости, драгоценных пород дерева и даже шитые золотом и драгоценными камнями ткани. И разумеется, книги! Отец увлекался историей дома Романовых. И в первую очередь его привлекали те вещи, которые принадлежали последней царской династии.

– И этот петушок тоже?

– Им игрались все российские императоры, а также их отпрыски, начиная от Александра Второго.

– Потрясающе!

– Да. Я тоже так думаю. Петушок редкая вещь. Мой отец очень трепетно относился к нему. Даже рассказывал, что с этой погремушкой связана какая-то легенда. Правда, так и не рассказал никому из нас, какая именно.

– Все старинные вещи имеют хотя бы одну легенду.

– Да. Но мой отец... Одним словом, неважно! Камеры за-

фиксировали, что погремушку украл Ваня. И поэтому мне невыносимо тяжело заниматься этим расследованием. Конечно, я понимал, что Ваня опасен для общества, что он вор и наркоман. Но я никогда и подумать не мог, что он дойдет до убийства! Да еще убийства родного деда!

Мариша даже вздрогнула от этих слов.

– А вы думаете, что вашего отца убил... Ваня?

– Тут не может быть другого варианта. Отец был очень осторожен. Он никогда не впустил бы в дом чужого или малознакомого человека. В тот день у него был только Ваня. Его визит и записали все камеры в доме.

– И они также записали убийство?

– Нет, – угрюмо ответил следователь. – В момент убийства камеры не работали.

Мариша насторожилась.

– Ни одна?

– Нет.

– Но это выглядит весьма странно.

– Поломки случаются во всякой аппаратуре.

– Но раз прямых доказательств вины Вани нет, то возможно, ваш племянник и не убийца?

– Он был у отца. Он украл петушка. Он ушел. А мой отец мертв! Прослеживаете параллель?

– Прослеживаю, – кивнула Мариша. – Но мне ваш Ваня не показался таким уж опасным. Он был жалок, он дрожал и трясся, но не слишком сильно. Во всяком случае, я хочу

сказать, если бы он несколько часов или даже минут назад убил своего деда, которого, я уверена, он в глубине души любил и уважал, он бы не смог держаться так нахально. И торговаться с продавщицей за петушка тоже бы не стал.

И мгновение помолчав, Мариша кое-что сообразила и воскликнула:

– Не говоря уж о том, что больше у парня при себе ничего не было!

Воронцов устремил на нее цепкий взгляд.

– Ничего не было? – повторил он. – Что вы име-ете в виду?

– У вашего отца украли не только петушка, верно?

– Да. Были похищены многие экспонаты его коллекции.

– А у Вани при себе был только петушок!

– Вы уверены?

– Ну, конечно!

– Хм. Странно. Судя по описи похищенных вещей, они должны были поместиться в двух больших сумках.

– Нет, ничего такого у вашего племянника при себе не было.

– Наверное, оставил вещи где-нибудь на хранение. Например, в той же камере хранения на Московском вокзале.

Мариша вспомнила, что ломбард, куда она попала по недоразумению, как раз и располагался напротив вокзала, и опечалилась. Да, совершив ограбление, Ваня мог спрятать тяжелые вещи, а взять с собой одного лишь маленького петушка.

– А ваш отец... – спросила она. – Он где жил?..

– На Лиговке, – охотно подтвердил ее подозрения Николай Воронцов и продолжил рассказывать: – В том доме, где жили его предки. И даже скажу больше, он жил в той самой квартире, в которой когда-то жила наша семья.

– Когда-то... Это при царе-батюшке?

– Да. У нашей семьи длинная история. Конечно, в советские времена мой отец предпочитал помалкивать о том, что его предки были из дворян. Но теперь это наконец перестало считаться зазорным. И после перестройки отец приложил немало сил, чтобы въехать в ту самую квартиру, которую когда-то занимал его дед.

– А чем занимались ваши предки?

– Ну, они были не из богачей. И дворянский титул получили не просто так, а за заслуги перед Отечеством. Например, мой прадед был врачом. Очень хорошим военным врачом. Ему и его потомкам пожаловали дворянство до седьмого колена. То есть семь поколений его потомков могли считаться дворянами. Понимаете?

Мариша понимающе кивнула. Конечно, теперь эти дворянские титулы и звания звучат просто смешно. Но в те времена это было важно. Дворянский титул автоматически вводил вас, как теперь бы сказали, в высший свет. Вы могли посещать светские мероприятия и развлечения. Могли выгодно жениться на богатой купеческой или мещанской дочери. И дворянство давало еще множество льгот и привилегий. Не

говоря о том, что считаться дворянином было просто очень и очень почетно.

Дворяне – это была высшая каста, высшее сословие. Перед ними полагалось снимать шапку простому человеку. И конечно, получить дворянство не по праву рождения, а за свои собственные заслуги, означало то, что вновь испеченный дворянин по своим моральным и душевным качествам выгодно отличается от представителей сословия, к которому принадлежал ранее.

Впрочем, не все могли получить дворянство. Например, крестьянину или рабочему стать дворянином никогда не светило. Но мещанин, купец или военный могли получить дворянский титул за свои заслуги и вклад в дела Отечества.

– Больших денег мои предки не имели. Всегда честно трудились. И после прихода к власти большевиков никуда из страны не уехали. Продолжали честно трудиться уже на благо новой власти. И никто ни разу не упрекнул моего деда в том, что когда-то он был дворянином.

– И его не сослали в Сибирь?

– Представьте себе, нет! И даже более того, советская власть также высоко оценила его работу. И после семнадцатого года прадед получил еще не одну награду за свой труд, теперь уже от нового правительства.

И Николай замолчал. Видимо, понял, что слишком отвлекся от основной темы.

– Так что дело с моим племянником решенное. Он – ви-

новен. И я хотел всего лишь уточнить у вас некоторые детали, – произнес он. – Ваня был у деда около часу дня. А в каком часу с ним встретились вы?

– В два. Нет, даже чуть раньше. Двух еще не было.

– Без пятнадцати два?

– М-м-м... Пожалуй, да. Что-то около того. Но перед тем как я с ним встретила, он уже долго осаждал приемщицу в ломбарде. Когда я пришла, тетка была уже сильно злая. Думаю, что ваш племянник торговался с ней из-за серебряного петушка довольно давно.

– Странно. Надо будет поговорить с этой особой.

– А что вам кажется странным?

– От дома моего отца до ломбарда, о котором вы говорите, чистой ходьбы не меньше двадцати минут. Я в свое время засекал. После того как Ваня украл петушка, он должен был сразу же бежать к ломбарду, чтобы быть там в то время, которое вы указали. Вы уверены, что не ошибаетесь?

– Нет, – покачала головой Мариша. – Я точно помню, что стрелка на часах на башне вокзала показывала без двадцати два, когда я подходила к ювелирному.

– И в этот момент Ваня был уже в ломбарде?

– Да. И он явно был там уже долго.

– М-м-м... Надо будет побеседовать с приемщицей, – повторил Николай задумчиво. – И заодно уточнить, точно ли идут часы на башне Московского вокзала.

Мариша пожала плечами. Это было личное дело дяди пре-

ступника – проверять и перепроверять. Но лично сама Мариша могла бы поставить сто против одного, что парнишка не убивал своего деда. Да, Ваня выглядел изможденным и нуждающимся в медицинской помощи, но ничего особенного в его поведении не было. Он держался вполне уверенно. И совсем не был похож на человека, несколько минут назад жестоко расправившегося со своим старым дедом.

– А как убили вашего отца?

– Ударом по голове, – глухо произнес Николай. – Его сначала связали по рукам и ногам, а потом ударили тяжелым предметом в затылочную область черепа. И оставили сидеть связанным.

– То есть убийца подкрался сзади?

– Да.

– И вы считаете, что это был Ваня?

– Он был единственным посетителем моего отца, которого зафиксировали камеры внутреннего наблюдения в квартире.

– И больше никто к вашему отцу в тот день не приходил? Николай замялся. Но в конце концов все же ответил:

– Кража серебряного петушка была последним, что записали камеры. Потом они почему-то отключились.

– Все?

– Отец поставил у себя в квартире три камеры. Одну расположил непосредственно у входа в жилище. Еще одну поместил возле своего хранилища, чтобы просматривалась его

дверь. И еще одну в своей спальне.

– А в спальне-то зачем? – удивилась Мариша.

Но Николай толком не смог ответить на этот ее вопрос.

– У отца были свои странности, – лишь суховаато пояснил он. – Как и у всякого пожилого человека. Иногда ему казалось, что Саша до сих пор жив и скоро вернется к нам. Отца мучили галлюцинации. Думаю, поэтому он и поставил камеру у себя в спальне.

– Саша? Кто это такой?

– Александр – мой старший брат. Отец Вани. Он умер, я же вам рассказывал.

– Почему же в таком случае ваш отец считал, что его старший сын жив? – удивилась Мариша.

– Понимаете, Саша погиб при невыясненных обстоятельствах. Его тела так и не нашли. Но все указывало на то, что он мертв.

– Что указывало? Можно услышать об этом поподробнее?

Мариша заметила, что, когда она задала свой вопрос, Смайл взглянул на нее с упреком и вроде бы даже с неудовольствием. Мариша мимоходом удивилась, чего это с ним. Но долго раздумывать о причинах вне-запно испортившегося настроения своего мужа у нее не было времени. Новая загадка уже будоражила ее кровь, заставляя ее быстрее бежать по жилам. А крошечные мозговые клеточки уже начали штурм очередной тайны.

Тем временем Николай Воронцов тяжело вздохнул и от-

ветил:

– Мне тяжело вспоминать об этой истории. К тому же я не вижу никакой связи между тем, что случилось сейчас, и гибелью Саши. Это было очень давно. И совсем в другом месте.

– Как же? Но ведь вы подозреваете в совершенном преступлении своего племянника. Значит, мы должны все досконально выяснить про его отца.

Казалось, Николай удивился и хотел что-то возразить. Но в этот момент со своего места поднялся Смайл и, обращаясь к Марише, произнес:

– Дорогая, можно тебя на пару минут? Надеюсь, вы нас извините?

Последняя фраза была адресована уже Николаю. Тот кивнул. И Мариша, недоумевая, что могло понадобиться от нее мужу, пошла следом за Смайлом. Оказавшись наедине с женой, Смайл схватил ее за руку и жарко прошептал:

– Что происходит, Мариша?

– Происходит? Ничего не происходит. Мы отвечаем на вопросы следователя.

– Да? А мне показалось, что это ты учиняешь ему свой собственный допрос!

– Я?

– Да! Ты! Спрашиваешь его о членах его семьи! Об обстоятельствах преступления!

– Что же в этом странного? Так уж получилось, что я тоже

оказалась в этом замешанной.

– Ты ничего не знаешь! И не должна соваться в это дело!

На какое-то мгновение Мариша онемела от возмущения.

А затем воскликнула:

– Да что ты такое говоришь? Ты сам понимаешь?! Как это не соваться?

Но Смайл лишь устало покачал головой:

– Мариша, ты себе не представляешь, как ты дорога мне!

Я так сильно тебя люблю! Я просто не переживу, если с тобой или с нашим ребенком что-нибудь случится.

– Да что может случиться? Все будет в порядке!

Но Смайл снова покачал головой:

– Если ты впутаешься в очередное расследование, я не буду иметь ни единой минуты спокойной. Я и раньше очень боялся за тебя, но теперь вас двое, и я боюсь в десять раз больше!

Мариша хотела указать мужу на некоторые странности в его математических расчетах, но внезапно почувствовала, как на глаза у нее наворачиваются слезы. Какой у нее милый муж! Какой заботливый! И как он ее любит! А она просто бессовестно его изводит. Конечно, она должна оставить все прочие дела и сосредоточиться на самом важном для нее деле – на появлении на свет новой жизни.

– Дорогой мой, я ничего не буду расследовать в этот раз! – горячо и искренне воскликнула Мариша.

Смайл моментально просиял:

– Обещаешь?

– Клянусь тебе! Твое спокойствие мне в тысячу раз дороже!

– Дорогая!

– Любимый!

Супруги бросились в объятия друг друга. А затем вернулись к Николаю и сухо проинформировали его, что больше сказать по поводу случившегося с его племянником ничего не могут. И просят оставить их в покое, потому что устали и нуждаются в отдыхе.

Глава 3

На следующее утро Мариша проснулась в квартире одна. У Смайла, который работал летчиком МЧС, снова был рейс. Где-то, в какой-то терпящей стихийные бедствия стране с нетерпением ждали самолет с грузом гуманитарной помощи, медикаментов и чистой питьевой воды.

Впрочем, Смайл пообещал Марише, что это будет совсем небольшой рейс. Такой короткий, что он даже не позволил жене провожать его в аэропорт.

– Всего на пару дней летим. Собственно говоря, туда и обратно. Ты даже не успеешь соскучиться и заметить мое отсутствие.

Но, допустим, отсутствие мужа Мариша заметила сразу же. В квартире не пахло аппетитной сдобой. И аромата кофе тоже не чувствовалось. Не говоря уже о более основательном запахе яичницы с колбаской и зеленым лучком, которой муж любил побаловать себя самого, пока Мариша наслаждалась своими теплыми булочками с кофе.

Сегодня кофе Марише пришлось варить себе самой. И с непривычки он у нее сначала убежал на плиту, потом пригорел, а той малости, что все-таки чудом уцелела в турке, было явно недостаточно для полноценного завтрака.

Так что Мариша решила ограничиться сладким чаем, с которым, к счастью, не возникло никаких проблем. Мариша

бодро шлепнула в чашку пакетик, залила кипятком и села рядом, наблюдать, как заваривается чай.

Мысли ее текли также неторопливо и безмятежно. Конечно, Смайл, без всяких сомнений, прав в своем нежелании, чтобы она даже близко подходила к этому делу с похищенным серебряным петушком. Да и петушка-то у нее уже больше нет. Они со Смайлом уже отдали его Николаю Воронцову, чтобы тот приобщиł драгоценную вещицу к уголовному делу своего племянника.

И все же Марише было как-то не по себе. Сегодня ей предстояло поехать к следователю и еще раз в деталях рассказать Воронцову о встрече с его племянником.

– Ох как не хочется. И что я ему буду рассказывать? Я и так уже ему все рассказала.

В душе Мариша немного лукавила. Ей было любопытно узнать, чем же закончилось расследование Николая. Пове-рил он в вину своего племянника окончательно? Поймали Ваню? Всего этого Мариша пока что не могла знать и поэто-му со вздохом проворчала:

– Но ничего не поделаешь, придется поехать. Уж такую малость для следствия я могу сделать!

Они еще вчера со Смайлом договорились, что Мариша съездит к Воронцову, ответит на все его вопросы, и все! Больше она в дело с ограбленным коллекционером соваться не будет.

– Слишком оно выглядит опасным. Даже со сто-роны.

И вот сейчас Мариша сняла трубку, чтобы по телефону подтвердить свою вчерашнюю договоренность.

– Николая пока нет, – сообщил ей суховатый мужской голос. – Позвоните чуть позже.

Мариша хмыкнула и пошла в душ. После душа она выпила остывший чай, съела холодную и потому совершенно безвкусную булочку и, совершенно недовольная жизнью (какой у нее, оказывается, отвратительный муж! Деспот! Сам умотал в очередную экспедицию, а ей черствой сдобой приходится давиться! Да еще и к расследованию он ее не подпускает!), снова позвонила Воронцову.

– Он еще не приходил.

– Как же так? – удивилась Мариша. – У меня назначена с ним встреча на час дня. А сейчас уже без четверти час.

– Раз назначено, значит, придет. Воронцов никогда не опаздывает. Главное, вы сами не опаздывайте!

Снабженная этой ободряющей информацией, Мариша начала собираться. Больше звонить следователю она не стала. И в участок прибыла ровно в половине второго. Воронцова все еще не было. И более того, его никто не видел с самого утра. Хотя в десять было назначено совещание у начальника. И Воронцов и его тоже пропустил.

– Непонятно. Как же такое получилось? Вы же говорите, что он никогда не опаздывает.

– Николай у нас сама пунктуальность, – повторил сотрудник. – Не понимаю, что произошло.

– Возможно, надо ему позвонить и узнать?

Сотрудник так глянул на Маришу, что та моментально заткнулась. Воронцову явно уже звонили, и не один раз. Время шло, и на душе у Мариши становилось все тревожнее и тревожнее. И она уже подумывала, чтобы уйти, как внезапно в комнату вбежала молоденькая девушка.

– Сережа, выйди на минутку! – воскликнула она, глянув на коллегу Воронцова, с которым беседовала Мариша. – У меня есть к тебе разговор!

– Говори тут, Наташа. Что за фокусы?

– Нет. Выйди.

– Да зачем мне выходить?

– Это насчет Воронцова!

В голосе девушки прозвучало такое отчаяние, что Сергей быстро собрал свои дела, запер их в сейф и вышел в коридор. Спустя секунду Мариша последовала за ним. Но у дверей она остановилась и приникла к щели. Конечно, подслушивать нехорошо и даже прямо стыдно. Мариша и сама это прекрасно знала и понимала. Но она ничего не могла с собой поделать.

Любопытство Мариши было сильнее правил хорошего тона, прививаемых ей с детства, да так до конца, похоже, и не привитых.

– Ну, что у тебя за информация? – услышала она раздраженный голос Сергея – коллеги Воронцова. – Говори скорей! Не мямли.

– Сережа, ты, я знаю, дружен был с Колей. Поэтому я к тебе сразу и прибежала.

– Что случилось-то?

– Я скажу, обязательно скажу. Но ты, Сережа, только не очень нервничай.

– Что за ерунда? Говори нормально!

– Ты бы присел, Сереженька, – вдруг совсем жалостливо пропищала девушка. – Знаешь, новость нехорошая. Ты сядь! Вот тут на диванчик. Вот и умница, Сережа. Вот и молодец, что присел!

– Ты будешь говорить или нет? Или ты подурчиться ко мне пришла?

Чувствовалось, что мужчина закипает и готов сорваться. Девушка это тоже поняла и всхлипнула:

– Ой, какое там дурачиться, Сережа! Горе у нас!

– Да что за комедия, Наталья!

– Вот ты какой, Сережа! – обиделась девушка. – Я к тебе к первому прибежала. Сразу же, как узнала, так и прибежала. А ты ругаться на меня за это вздумал! А разве я виновата, что Колька Воронцов умер?

Услышав это, Мариша чуть было не сползла на пол. Воронцов умер?! Как? Когда это случилось? Мариша остро пожалела, что не прислушалась к совету Наташи и тоже не присела. Впрочем, куда бы она тут у дверей села? Разве что прямо на пол!

Тем временем Сергей в коридоре отдышался после полу-

ченного известия и снова обрел дар речи.

– Откуда ты это взяла? – спросил он у сотрудницы, явно не веря ей.

– Так из сводки, Сережа. Сводка пришла сегодняшняя. А в ней черным по белому Колькино имя!

– Может, не он? Может быть, просто однофамилец?

– Я же не дура, Сереженька. Я сразу же ребятам, которые Колю нашли, звякнула. Это в Центральном округе. Знаешь, у них там Петька Пузан работает? Помнишь его? Он у нас раньше был, а потом перешел чего-то. Ну тот, что на Масленицу у нас сто двадцать блинов сожрал. С маслом и вареньем.

– Помню я Пузана. Он теперь в Центральном?

– Да. На Крылова сидит. Вот ему я и позвонила. Он же с Колькой дружен был. Он сразу же тех ребят, которые Воронцова нашли, расспросил, все приметы сходятся! Конечно, надо будет родственников в морг на опознание послать, но похоже, что это наш Коля. И на совещании он сегодня не был. А ты можешь припомнить случай, чтобы Воронцов на совещание не явился?

Судя по продолжительному молчанию, Сергей такого припомнить не мог.

– Что же это получается? Кто его?

– Неизвестно. При себе у него никаких документов не было.

– А как же имя узнали?

– Из метки на одежде. Подкладка пальто была украшена нашивкой с его именем.

Странно, мелькнула у Мариши мысль, взрослый человек, а метит свою одежду, словно школьник или, того хуже, детсадовец, которого на лето отправили с другими детьми на отдых. Когда малыши уезжают на коллективный отдых, их матери, чтобы в лагере одежда одного ребенка не перепуталась с одеждой других детей, помечают вещи нашивками или просто пишут где-нибудь имя от руки. У маленькой Мариши на одежде тоже красовались метки с ее именем.

Но зачем такая метка на одежде взрослого человека?

Однако ни Сергей, ни Наташа этой странности значения не придали. Они были слишком поглощены обсуждением того, что им предстоит сделать дальше. Кому передать дела Николая? И кого послать в морг, чтобы там окончательно уточнить, он это или не он?

– Все-таки крохотный шанс, что это его однофамилец, все равно остается.

– Не знаю. Пузан обещал все разузнать. А вот, кстати, и он мне звонит!

Наташа, видимо, приложила трубку к уху и некоторое время издавала лишь отрывистые реплики:

– Да. Слушаю. Да. Да. Да. Нет. Спасибо тебе, Петя. Значит, ошибки быть не может? Все поняла, еще раз тебе спасибо. Да, наверное, это дело мы заберем к себе. Да, когда что-то будет ясно, я тебе перезвоню.

И сунув трубку обратно в карман, девушка сказала:

– Это точно Николая убили. Пузан его опознал. И сейчас просил, чтобы его уведомили о дне похорон.

Чувствуя, что людям в коридоре сейчас не до кого, Мариша совсем обнаглела и приоткрыла дверь еще пошире. Теперь она не только слышала, но и видела разговаривающих сотрудников. Сергей вытер вспотевший лоб и посмотрел на девушку:

– Чушь какая-то! Колька мертв! Ты спросила у Пузана, как это случилось?

– Он ничего не знает. И никто не знает. Петька сказал, что тело Воронцова нашли за мусорным баком. Судя по всему, Николай возвращался домой в потемках через проходные дворы и стал жертвой уличных грабителей.

– Но он же был обучен приемам самообороны. Мы вместе ходили на курсы!

– На Николая напали сзади. Вероятно, он не услышал шагов нападавшего. Его ударили по голове. Оглушили или сразу убили. На голове следы нескольких ударов. Какой из них был смертельным, покажет экспертиза.

Сергей вскочил на ноги.

– Надо что-то делать! – воскликнул он. – Кто будет расследовать это дело? Надо выяснить! Добьюсь, чтобы его поручили кому-то из наших ребят. Мы все любили Кольку! Лично я буду землю рыть, но узнаю, кто на него напал. Не успокоюсь, пока не засажу мерзавца за решетку навечно!

Мариша поспешно отпрянула от дверей. И очень вовремя. Потому что уже спустя секунду в кабинет влетел коллега убитого Воронцова. Лицо у него горело. Волосы были растрепаны. Глянув на Маришу диким взглядом, он воскликнул:

– Можете идти. Воронцова сегодня не будет.

– А... А что с ним?

– Пока не знаю. Идите, гражданочка, идите! Не занимайте место!

– Но меня пригласили для разговора!

– Если вы нам понадобится, мы вам позвоним!

– А кто будет заниматься моим делом? Не Воронцов?

– Да, вашим делом теперь будет заниматься другой следователь. Идите! Ну, что же вы тут расселись, как у себя дома!

Мариша даже не обиделась на такие проводы. Она прекрасно понимала, в каком состоянии сейчас находится этот мужчина. Судя по подслушанному Маришей разговору, Сергей был не только коллегой, но и другом Николая Воронцова.

И снова какая-то смутная тревога царапнула сердце Мариши.

– Послушайте, – произнесла она, обращаясь к мечущемуся по кабинету Сергею. – А что, если убийство Николая каким-то образом связано с ограблением его отца? А ведь я...

Договорить ей не удалось.

– Вы еще здесь?! – взвился Сергей. – И подслушивали?! Сказано же вам, уходите! Не мешайте органам работать!

И больше не слушая Мариши, он выдворил ее за дверь. На этот раз Мариша рассердилась. Уж выслушать ее он бы мог!

Но видимо, Сергей был слишком шокирован ужасной новостью, случившейся с его другом, чтобы обращать внимание на такие мелочи. А зря! Ведь нет ничего важнее вот таких мелочей. И кому так об этом не знать, как самому следователю? Похоже, Сергей не очень-то опытный следователь.

– Ох, не нравится мне все это, – вздохнула Мариша. – Если парень сразу же не уцепился за потенциальную свидетельницу, никакого проку из него не будет. И расследовать он ничего толком не сможет.

И снова ее царапнуло неприятное чувство. Похоже, придется ей все-таки вмешаться. Да, конечно, она поклялась Смайлу, что не будет вмешиваться, но ведь это было еще до того, как она узнала о смерти Николая Воронцова. Они-то со Смайлом были уверены, что Николай сам займется поисками грабителя и убийцы своего отца. А теперь что? Теперь ситуация кардинальным образом изменилась. Николай сам убит.

И Мариша чувствовала, что оставаться в стороне, как они с мужем договаривались, она просто не сможет.

– Ты не должна! – испугалась Мариша, как только поняла, в каком направлении текут ее мысли. – У тебя есть другое занятие! Ты должна присмотреть и купить приданое своему ребенку!

Но вспомнив, что вышло из ерундовой покупки погрему-

щечки, Мариша затосковала.

– Что же я за человек такой? И что это ко мне притягивает всякую шушеру? Ну, что стоило этому Ване-горемыке пройти мимо меня?

Тот факт, что она сама полезла к парнишке с расспросами, Маришей старательно игнорировался. Равно как и то, что потом ее никто не заставлял подслушивать под дверями кабинета следователя. Будь она обычной законопослушной гражданкой, сидела бы на том стуле, куда ее вежливо посадили. И знать бы ничего не знала о случившемся с Николаем Воронцовым. Спокойно бы восприняла известие о том, что ее дело будет вести другой следователь. И не заморачивалась бы совершенно тем, куда же делся предыдущий следователь.

– И что со мной не так?!

И причитая таким образом, Мариша уже понимала, что не сможет спокойно уйти. Ей позарез необходимо выяснить, что же случилось с Николаем Воронцовым. Его убили, это она уже знает. Но конкретно, что произошло? Она должна это выяснить! Иначе ни сна, ни отдыха, ни просто покоя ей не будет во веки веков, аминь.

– Что там они говорили про переулочек Крылова?

Это отделение милиции Мариша знала превосходно. Когда-то у нее там работал знакомый мальчик. Числился он оперативником, но быстро разочаровался в розыскной работе и ушел в охрану, где было куда спокойнее и сытнее. Ма-

риша в свою очередь разочаровалась в своем знакомом. Уж она-то никогда не выбрала бы для себя такой скучный путь.

Конечно, все это было страшно давно. Но все же о том отделении у Мариши сохранились теплые воспоминания.

Добравшись до переулка Крылова без всяких приключений, Мариша заглянула в дежурную часть и поинтересовалась:

– А где я могу найти Пузана?

– Это Петьку, что ли?

– Вот-вот! Его самого!

– А вы, девушка, его по какой надобности разыскиваете? – не скрывая своего любопытства, поинтересовался у нее дежурный.

– Я-то? По сугубо личной надобности, вам совершенно ненужной.

– Нет, я почему у вас спрашиваю, – слегка смутился дежурный, – Петька у нас товарищ несговорчивый. Характер у него какашечный.

– Какой?

– Плохой очень у него характер. Он из-за своего характера долго на одном месте не задерживается. Обычно принято полных людей считать добрыми, но Петька – не тот случай.

– Это вы к чему?

– А к тому, что Петя у нас сегодня в самом паршивом настроении с утра пребывает. Друга у него убили.

– Ой!

– И поэтому, если вы к нему с какими-нибудь пустяками полезете, то он вас и послать куда подальше может в грубой форме. По причине стабильно вливаемой в себя с самого утра водки. За помин души дорогого друга.

– А что же делать? – растерялась Мариша.

– Мой вам совет, если не очень надо, то и не суйтесь к нему.

– Нет. Мне как раз очень надо.

– Ну тогда... Даже и не знаю, как вам быть. В принципе Петька любит плотно закусить. Хотя когда пьет, то не закусывает вовсе.

– Почему?

– Закуска градус крадет, – любезно просветил Маришу дежурный. – Но так как пьет Петя с самого утра и до сих пор еще ни разу не перекусил, возможно, пирожки или чебуреки и снищут его расположение. Я понятно изъясняюсь?

– Более чем! – радостно воскликнула Мариша и пулей понеслась в сторону Апраксина переулка.

Накормить мужика – великое дело! Любой, даже самый лютый из них мигом добреет, когда к нему в желудок попадает что-то горячее и мясное. И Мариша знала, где раздобыть дорогие каждому настоящему мужчине чебуреки. И конечно, она не станет покупать их где-то в дорогом ресторане. Там готовят, возможно, и изысканно, но на вкус опера Пузана вряд ли подходяще.

Сразу за переулком располагалась всем хорошо известная

«апрашка», или бывший Апраксин двор. Был он поменьше Гостиного двора, не такой богатый и знаменитый. В царское время тут останавливались со своим товаром купцы попроще, а также стояли грузовые фуры и грубые конюхи раздавали ломовым лошадям овес в тяжелой мешковине.

Нынче же ряды Апраксинского двора были отданы для мелкооптовой и розничной торговли самым разным товаром. Тут можно было по дешевке купить пару носочков из лайкры или даже столовый сервиз с немыслимым количеством позолоты. Можно было приобрести маечку с забавным рисунком. И джинсы, ну почти что от Гуччи.

Тут всю торговали китайцы, турки, корейцы, а также различные выходцы из стран СНГ. Пожалуй, последних было больше всего. Ну и еще китайцев. И хотя после многочисленных указов и реконструкции рынок приобрел более или менее цивилизованный вид, все равно вечером тут находиться было страшновато.

Да, уличная торговля была прекращена. Всех торговцев загнали в павильоны или заставили искать себе другое место для торговли. Но все равно Марише казалось, что многочисленные складские и прочие подсобные помещения просто идеальное место, если какому-нибудь не слишком честному гражданину захочется спрятаться от властей.

И между тем именно тут Марише удалось купить те самые пирожки и чебуреки, которые ей велел приобрести дежурный для Петьки Пузана.

– Тебе сколько? – блеснула на нее ярким желтым зубом смуглолицая киргизка. – Побольше или поменьше. Для себя берешь или для мужика своего?

– Для мужика.

– Ага! Сейчас положу!

Возможно, зуб у нее был даже и золотым. И Мариша с сомнением посмотрела на тетку. Были они примерно ровесницами. Но зубы у тетки были, похоже, почти все вставными.

– Что смотришь? – весело воскликнула женщина, заметив взгляд Мариши. – Нравится? Это мне муж зубы выбил.

– Какой негодяй!

– Да нет! – еще веселей отозвалась торговка. – Зубы все равно гнилые уже все были. А муж тем более потом мне новые вставил. Видишь, какие красивые! Ровно тридцать штук! По числу моих лет! И все из золота! Красота!

И женщина клацнула вставными зубами.

– Что? Завидно? Себе тоже такие хочешь?

– М-м-м... пожалуй, обойдусь пока что только чебуреками, – сказала Мариша. – Почему они у вас?

Чебуреки стоили дешево. Весело припевая, женщина проворно сложила ей десять штук истекающих жиром «ушек», а заодно положила и по два пирога с картошкой, печенью, ливером и луком с яйцом.

– Бери, не сомневайся. У меня вся выпечка хорошая, – заверила она Маришу. – Народу много идет, ничего вчерашнего не остается. Все свежее. Мама у печки их печет, а я тут

продаю.

Постаравшись даже не думать, чем может болеть мать женщины, которая в свои неполные тридцать лет имела уже полный рот гнилых зубов, Мариша завернула пирожки и поворотно потрусила назад к отделению.

Петька Пузан нашелся на втором этаже, где он изливал свое горе какому-то молоденькому парнишке-стажеру. Перед Пузаном стояла почти пустая бутылка водки. И Мариша выругала себя за то, что не догадалась принести к чебурекам еще и водочки. Хотя, как знать, возможно, что и хорошо, что не принесла.

Пузан и так уже весьма нетвердо держался на стуле. Выпей он еще граммов триста, возможно, просто свалился бы под стол. А так он с интересом посмотрел на Маришу и принюхался. Уже подходя к нему, Мариша позаботилась приоткрыть плотный пакет. И теперь аромат жареного мяса, жира, лука, чеснока и перца распространился по всему помещению.

– Чем это от вас, гражданка, так аппетитно пахнет? – поинтересовался у нее Пузан, уже не скрывая своего интереса. – Что это у вас в сумке?

– А вы меня обыщите! – лукаво улыбнулась Мариша.

От сердца у нее отлегло. Пузан явно уже сумел снять свой стресс с помощью излюбленного средства всех русских мужчин. И теперь он был готов жить дальше. Ну а для этого требовались силы. А где мужчине взять силы? Ясно, что для

этого ему надо плотно поесть.

– У меня к вам есть разговор, – сказала Мариша, когда обрадованный стажер унесся прочь резвее лани. – Кстати, это вам.

И она выложила перед Пузаном чебуреки. И по тому, как загорелись глаза у мужчины, поняла, что с выбором угадала.

– Что это? Взятка?

– Что вы! Угощение!

– Точно мне?

– Вам.

Пузан не стал вдаваться в подробности. Вместо этого он принялся поглощать чебуреки с такой скоростью, что Мариша только диву давалась. Мужик открывал рот, складывал туда свернутый чебурек, делал несколько мощных жевательных движений, и чебурек с бульканьем проскальзывал внутрь, а Пузан открывал рот для новой порции.

Вместе с чебуреками он съел и пирожки с картошкой, а также пирожки с курдючным салом и ливером. Пирожки с печенью и жареным луком он доедал уже явно через силу, объясняя это тем, что с детского садика не любил печень.

Лицо у мужика разгладилось, морщины на лбу исчезли. А сам он залоснился и зарумянился почище слопанных им пирожков.

– Оказывается, я был голодный, – с искренним удивлением произнес он. – Ну, гражданочка, спасибо вам. Спасли меня от голодной смерти.

– Не за что. Но я к вам пришла вот по какому поводу...

И Мариша рассказала о своем знакомстве с Николаем Воронцовым.

– Значит, вон оно как. Не уgomонился у Кольки племяш! – вздохнул Пузан, оказавшийся вполне симпатичным и ничуть не злым. – А я ведь ему говорил, что наркомана исправить – лишь одно средство имеется!

– И какое же?

– Сосновый гроб и белые гамаши! – зло рявкнул Пузан. – Уж сколько я на этих ребят у себя на работе насмотрелся, лишь один из тысячи способен за ум взяться. Да и тот редко когда берется. Если уж человек на иглу подсел, то тут фиг что исправишь. Один ему путь – на тот свет. И чем раньше, тем лучше. Меньше вреда остальным принесет.

– Но Николай не хотел сдаваться? Он любил своего племянника?

– Как же ему не любить Ваньку. Как-никак Ванька – это родной сын его брата. Да и мальчонкой Ванька очень славный был. Это уж потом он с наркотиками связался, да по кривой дорожке пошел. А в детстве он Коле вместо сына всегда был. Николай всегда в выходные к мальчишке мотался. Родной отец столько бы для парня не сделал. И в зоопарк Николай с ним, и в цирк, и в кино, и в музей. И на лето всегда путевка у пацана в самый лучший пионерский лагерь была. И книжки, и учебники, и даже компьютер ему дядя Коля купил! У самого компьютер только на работе стоял, а парню

купил!

– Ну, и наверное, дед тоже помогал? – предположила Мариша. – Дед ведь у Вани очень богатый человек был?

Но при упоминании убитого коллекционера лицо Пузана внезапно окаменело.

– Про это ничего вам не скажу, – произнес он. – Со стариком лично никогда не общался. Но сдаётся мне, что тот был ещё той сволочью.

– Да? – удивилась Мариша. – А почему?

– Внуку он никогда не помогал. Да и сыну тоже. Всем, чего Колька в этой жизни добился, он обязан лишь самому себе. И квартиру он от государства получил. И на машину сам заработал. Пахал без сна и отдыха и заработал! А что отец у него цапки драгоценные собирает и даже вроде в этом деле авторитет немалый имеет, это я совсем недавно узнал. И не от Коли лично, а из телепередачи. Услышал знакомую фамилию, и давай Кольку пытаться. Кто такой, спрашиваю, всемирно известный коллекционер Иван Алексеевич Воронцов? Родственник он тебе или кто? Ну а Колька меня и огорошил. Отец мой, говорит!

– Надо же. Но его ведь тоже убили.

– Знаю. Нехорошее дело получается. Ивана Алексеевича убили. Ванька в бега подался, неизвестно, где его теперь искать. Колька тоже убит.

– И коллекция пропала.

– Да. И ещё ограбление висит, – согласился Пузан. – И все

меньше чем за сутки случилось. Поневоле о семейном проклятии задумаешься.

– О чем?

– Легенда у этих Воронцовых есть, – неохотно сказал Пузан. – Если у них старший в роду мужчина погибает не своей смертью, то и все остальные тоже мрут.

– Как это?

– А так. Отец у Николая погиб?

– Погиб.

– Ну вот, а следом за ним и Николай на тот свет отправился.

– Значит, следующий на очереди Ваня? – дрогнувшим голосом спросила Мариша.

– Э-э-э... нет! – протянул Пузан. – А младший в роду как раз жив остается. Ну, типа, чтобы род продолжить.

– Чушь какая-то!

– Я в это тоже не больно-то верю, – признался Пузан. – А вот сноха Колькина очень все эти старинные приметы и легенды уважала. Суеверная баба!

– Сноха – это мать Вани?

– Она самая. Кстати, Колька ее всегда терпеть не мог. Считал, что она в смерти его брата виновата. И еще считал, что она Ваню неправильно воспитывает.

– А вы с ней знакомы?

– С Клавдией-то? Конечно знаком! Колька нас и познакомил. Одно время, лет десять тому назад, он носился с идеей

поженить меня и Клавдию. Ну а потом утих. Ни она, ни я интереса к этому делу не проявили. Но телефончик Клавдии у меня имеется.

– Десятилетней давности?

– Зачем? Колька мне его совсем недавно дал. Ну, типа, мало ли кто там его племяша может застукать. Николай не всегда сам на связи бывал. А в таких делах время не терпит. Так чтобы у меня было кому еще позвонить.

– И вы Клавдии уже сообщили о... о Николае?

– Да вот пока что не собрался, – признался Пузан. – Весь день думаю, что надо Клавдии сказать, и никак не соберусь.

– Она будет переживать?

– Не думаю. Они с Колькой общего языка так и не нашли.

– Да? А почему?

– Клавка – дура. Она даже меня раздражала. Что уж там про Николая говорить с его дворянским воспитанием.

– Дворянским?

– Ну, это я так называл. Отец у Николая чудной был. Колька мне рассказывал, как он его чуть ли не с горшка французским и немецким пичкал. А англичанка сама к ним на дом приходила. И еще всякие там занятия по истории и культуре разных стран Европы. Да Кольке с его образованием прямой путь в искусствovedы был. А он не захотел! В сыщики подался. Отец ему этого так и не смог простить.

– Почему?

– Ну, по его мнению, ловить преступников – это дурной

тон. Он только два пути одобрял – медицина или искусство. Он так об этом Кольке и говорил.

– Значит, между отцом и сыном особенно теплых отношений не было?

– Но и ссор тоже не было.

– Ясно.

Мариша видела, что Пузан вот-вот вырубится. Выпитая днем водка, плюс съеденная сытная и обильная пища делали свое дело. Мужика клонило в сон. Но прежде чем он заснет, Марише было необходимо выяснить у него адрес матери Вани.

Но стоило Марише намекнуть на это, как Пузан решительно запротестовал:

– Нет, нет! Я сам должен! Это мой долг!

– А давайте я вас до дома провожу?

– До дома? Это можно! – снисошел Пузан. – Мы дома еще выпьем по граммулечке, и нам совсем хорошо станет!

Насчет «граммулечки» Мариша не протестовала, чем окончательно расположила к себе Пузана. Он даже несколько раз за время своей транспортировки вниз попытался объяснить ей в любви. Мариша его объяснения воспринимала благосклонно. И лишь зорко поглядывала, как бы Пузана никто у нее не перехватил.

Ей повезло. Она благополучно доставила Пузана до своей машины. Усадила в мягкий салон. Сунула в руки бутылку теплого пива, которая завалялась у нее в багажнике и к ко-

торой Пузан сразу же жадно присосался. Свой адрес он еще сумел ей назвать. И даже до лифта доковылял вполне бодро, правда, пританцовывая и качаясь.

Но в лифте он начал сползать по стеночке.

– Тише, тише! – уговаривала его Мариша. – Стой смирно! Сейчас мы уже дойдем!

Ключи от квартиры Пузана девушке пришлось искать самой. Впрочем, они нашлись уже во втором по счету кармане, который обыскала Мариша. В это время сам Пузан мирно дремал на резиновом коврикe у дверей. А когда Мариша справилась с замками, то сразу же поняла, что живет Пузан один. И никто не сможет помешать ей в том, что она планирует сделать.

Глава 4

Мариша спешила домой к несчастной Клаве изо всех сил. Время было уже довольно позднее, и Мариша опасалась, что мать Вани просто не захочет открыть ей дверь. Но пообщаться с матерью молодого преступника было необходимо просто позарез.

Ради этого, а также ради адреса Клавдии, Мариша даже доставила Пузана до его дивана. Верней, доволокла волоком до ковра на полу и оставила там, прикрыв теплым одеялом. Перед этим Мариша просмотрела телефонную книжку в трубке Пузана. Клавы там не было. Но зато была Воронцова К. И Мариша справедливо рассудила, что скорее всего это и есть Клавдия Воронцова – мать наркомана Вани.

Едва только взглянув на комбинацию цифр, Мариша быстро поняла, что номер это самый обычный питерский, стационарный. То есть в трубке у безмятежно посапывающего на полу Пузана был «забит» домашний телефон матери Вани. Прекрасно!

Поглядев на спящего мужчину в последний раз, Мариша невольно восхитилась им. Напился, наелся, а теперь спит, и все у него прекрасно! Завтра проснется с больной головой. И таким образом убийство близкого друга отойдет на задний план. Вот он – пример инстинкта самосохранения в чистом виде!

Оставив Петра спать, сама Мариша набрала номер Клавдии. И пользуясь тем, что женщине явно никто еще не сообщал о смерти Николая, сказала:

– Меня послал к вам Николай Воронцов. Дело в том, что ваш сын Иван украл у меня одну чрезвычайно дорогую вещь. Я не верю, что мальчик из хорошей семьи способен стать вором. Наверняка его толкнули к тому особые обстоятельства. Не хочу доводить дело до суда. Предпочитаю разобраться с вами лично и на месте.

И в ответ услышала:

– Денег у меня нет! Живу на пенсию.

– Но я...

– Приезжайте и сами увидите, в какой нищете мы живем!

– Но...

– Чем там Ванька промышляет, не мое дело. Хотите сажайте пацана, хотите не сажайте! Дело ваше!

– Но ваш сын попал в очень нехорошую историю! – наконец удалось и Марише вставить в диалог свою реплику.

– А у Ваньки других сроду не было! – тут же парировала Клавдия. – Прямо чума, а не парень! Думала, вырастет сыночек, начнет матери помогать. Содержать меня станет. Другие-то сыновья своих матерей разве что на руках не носят. Все для них делают. Каждую копейку в дом волочат. А мой? Тьфу, а не сын! Что он там еще натворил?

– Ваш Ваня обвиняется в убийстве.

– Что? Этого еще не хватало! Ну нет, в это-то я, дорогая

девушка, никогда не поверю! Ванька, может, и заблудший, но он и мухи не обидит. Разве что докололся до чертиков, вот и натворил дел.

– Скажите, могу я приехать к вам?

– Зачем это?

– Значит, предпочитаете, чтобы я вызвала вас к себе по-весткой?

– Нет уж, к вам я совсем не хочу тащиться, – тут же отказалась Клавдия. – Лучше сами ко мне приезжайте.

– Вот и я тоже думаю, что так будет лучше. Куда ехать?

Клавдия продиктовала адрес. И Мариша не без удивления поняла, что этот дом находится опять же на Лиговке. Вот ведь странно, убитый коллекционер жил на Лиговском проспекте. Встреча с Ваней у Мариши произошла тоже на перекрестке Лиговского и Невского проспектов. Да еще и сам Ваня со своей матерью жил тоже на Лиговке. Просто какое-то невероятное скопление Воронцовых в одной определенной части города.

Впрочем, сразу же выяснилось, что Клавдия себя к клану Воронцовых не причисляет.

– Смирнова моя фамилия! А что? Вы что-то против имеете? А я вот своей фамилией горжусь и менять ее ни на какую не собираюсь! И батька мой Смирновым был. Всю жизнь у станка на заводе простоял. Герой труда! Образования семь классов было, а жизнь прожил всем другим на зависть! Уважением на заводе большим пользовался. А что некоторые

высокородные по этому поводу думают, меня совершенно не колышет!

Мариша поняла, что камень был брошен в адрес Ваниного деда и дяди. Видимо, родственники мужа допекли Клавдию своими разговорами. А Воронцовы любили поговорить на тему своих славных предков. Гордились своим происхождением и еще больше полученным образованием, чем чрезвычайно злили и нервировали самолюбивую Клаву.

– Пошли они на!.. – подтвердила Клавдия догадку Мариши. – Говори, что там еще мой Ванька натворил. Говоришь, пришел кого-то?

– Да. Его подозревают в убийстве и ограблении дедушки.

– Кого? Какого еще дедушки? Думай, что говоришь! Мой отец помер давно! Да и воровать у него дома было нечего. Мебель как у всех. Холодильник. Телек цветной. Ну и все! Как говорится, от трудов праведных не наживешь палат каменных!

– Я говорю про другого Ваниного деда. Про Ивана Алексеевича Воронцова.

– Что? – разинула рот Клавдия. – Ванька его убил?

– Камеры зафиксировали его присутствие в квартире деда незадолго до того, как того нашли мертвым.

– И что? Ванька частенько к деду заходил. Да я его сама к этому поощряла. У старика денег навалом было. Мне-то он ничего не давал. Боялся, что на помаду да туфли спущу. А Ваньке частенько подарки подкидывал. Да не в коня корм!

Мне бы дал, целее бы были его денежки. А так Ванька через эти деньги к наркотикам и пристрастился.

– Неужели?

– А то! Дед Ваньке денег давал, а мне не говорил. Боялся, что я у сына их отниму. Дурак! Ну а Ванька этим и пользовался. Шел и тратил денежки на свою наркоту, мерзавец! А потом по улицам шатался, пока не отпустит. Боялся домой обдолбанный приходить. Я бы его живо вычислила! А эти его покрывали!

– Кто эти?

– Дед и Колька! Дядя Ванин! Это они виноваты, что мальчишка на героин подсел. Только их вина и ничья другая!

Ох, что-то не думалось Марише, что все было так просто. Никогда не следует винить других в том, чему виновник ты сам. Вот и Клавдия поторопилась обвинить родню мужа в том, что это они превратили ее сына в наркомана. Но ведь роль матери в воспитании тоже очень важна. Значит, и сама Клавдия где-то просмотрела, где-то закрыла глаза, а где-то просто отмахнулась.

Невозможно не заметить, когда с вашим близким человеком происходит что-то неладное. Но многие предпочитают делать вид, что все в порядке. Или вовсе занимают оборонительную позицию.

Вот и Клавдии было удобнее винить других. И так как Мариша явилась сюда не для нравоучений, ей была нужна от Клавдии конкретная информация, она промолчала.

– Но это еще не все, – сказала Мариша. – Убит также и еще один ваш родственник.

– Кто? – вскинулась Клавдия.

– Николай Воронцов.

Мариша ожидала какой угодно реакции вплоть до слез, но Клавдия только пренебрежительно отмахнулась:

– Ах, этот! Ну, туда ему и дорога.

– Да, дядя вашего сына. Он убит.

И думая, что до женщины просто туго доходит, добавила:

– Родной брат вашего покойного мужа.

Но Клавдия все поняла верно.

– А пошли они все! – вновь махнула она рукой, думая при этом о чем-то своем. – Достали, уроды!

– Что?

– А ниче! Нечего было меня моим образованием и происхождением всю жизнь тюкать. Дворянство они при царе получили. Подумаешь, дворяне! Ну и что, если у меня ни военных, ни врачей, ни даже учителей в роду никогда не было? Зато мои предки испокон веков землю пахали, хлеб сеяли, да всю страну этим хлебом кормили. Тех же врачешек и кормили! И вообще, раз Сашка в свое время на мне женился, значит, годилась я для него. И какое их собачье дело, что мать у меня из деревни, а отец токарь? Не в образовании счастье! А они только и делали, что Сашке в оба уха дудели, что я ему не подхожу, что я ему не пара, что я и дура, и тупая, и в ПТУ училась.

– А вы учились?

– Ну, училась! И чего?

– Ничего, я так просто спросила.

– Да, училась на парикмахера-универсала. И мужскую стрижку могу сварганить, и женскую. «Химию» кручу, детей стригу. И даже собак!

– Даже собак? А это не сложно?

– Что ты! – усмехнулась Клавдия, на какой-то миг забыв о своих неприятностях. – С собачками еще и проще получается. Никаких капризов, как подстригу, они и рады-радехоньки. Не вопят, если я им там лишний клочок волос отхвачу. Как закончу, они прямо до небес прыгают. Сердце радуется на них глядеть.

Впервые с начала разговора в голосе Клавдии послышались теплые ноты. Пожалуй, она действительно любит своих четвероногих клиентов. Что же, одно это расположило Маришу в пользу Клавдии.

Но женщина перестала говорить о собаках и вновь стала неприятной.

– Вот такая я есть – простая парикмахерша. Никем другим не прикидываюсь. За учеными степенями никогда не гналась. Леня учиться было. А эти козлы Сашу против меня настраивали. Даже ребенка пришлось родить, чтобы рты им заткнуть. А то ведь реально могли Сашку от меня отвести! Послушался бы он отца с братом, да и свинтил к какой благородненькой и образованной. А так фигушки! Родила я па-

цана и мигом себе вечную любовь мужа обеспечила. Еще бы, неизвестно, как там дальше жизнь повернется. А тут всегда старший сын – наследник! Честно говоря, я думала, когда Сашка помер, что его дед на себя заботы о воспитании внука возьмет. Да этот выжига и не подумал этого сделать. Пока Сашка маленький был, дед вообще им не интересовался. Это уж когда Сашка постарше стал, тогда...

– А как погиб ваш муж?

– Да по-дурацки все получилось! Сначала его дядя помер. Похороны шикарные были. Как сейчас помню! А через несколько дней мы с Сашей к морю на отдых поехали. Там все и случилось.

– Что случилось?

– Утонул мой Саша в море. Сгинул.

– Сгинул? Утонул? А тело нашли?

– Унесло Сашку в море, засосало. Может, где у других берегов косточки его и выкинуло, а может, так на дне и лежит, рыбками обглоданный.

– Но его искали?

– Еще бы! Времена другие были, водолазы приехали. Да и ребята с аквалангами ныряли. Не нашли ничего. Только брюки с рубашкой и остались на берегу лежать. Их воры не взяли, побрезговали, видать.

– Воры?

– Ага. Все ценные вещи свистнули. Бумажник, часы дорогие – подарок отца, еще что-то.

– А как же вору украли эти вещи? Вы тоже с мужем в море купались? Вещи без присмотра на берегу лежали?

Клавдия вздохнула, подперла щекой руку и, устремив взгляд в далекое прошлое, где она еще была любимой женой и счастливой молодой матерью, принялась рассказывать.

Решение поехать к морю было спонтанным и каким-то лихорадочным. Отпуск в том году муж Клавдии уже отгулял. Сама она занималась подготовкой их сына к школе. Мальчик должен был пойти той осенью в первый класс. И вдруг поездка к морю! Дикарем! В конце августа!

– Сначала я мужу так и сказала, что это он полную ерунду выдумал. Какое еще море, если и у него, и у меня отпуск уже закончился. Отгуляно уже все за этот год. Да и пацана надо в школу собирать. И потом, если мы, родители, на море укатим, то кто с пацаном первого сентября в школу пойдет?

Но обычно мягкий и покладистый муж Клавдии на этот раз проявил железный характер.

– Ваньку в школу отведут твоя мать и отец. Они отлично справятся. Отпуск возьмем за свой счет. Я хочу к морю. Мне все равно, едешь ты или нет. Если нет, покачу один!

Клавдия испугалась. Ей совсем не улыбалось, чтобы муж на море подцепил себе какую-нибудь кралю. Клавдия была ревнива и знала за собой это качество. Поэтому она сказала:

– Дело твое. Глупость задумал, но я твоя жена, поедем вместе.

Муж убежал очень довольный. И всего через два дня су-

пруги уже летели к морю. Муж расщедрился на авиаперелет, что очень удивило и даже несколько обеспокоило Клавдию. Муж, как и все в роду Воронцовых, был прижимист. И до того семья всегда путешествовала -либо железной дорогой, либо на своей собственной машине.

Симпатичный зелененький «Москвич» было подарен семье отцом Саши. И на нем семья совершала множество летних путешествий. В советские времена бензин был дешев, дороги спокойны, а путешествие на собственной машине представлялось ни с чем не сравнимым удовольствием. Если в машине ехало трое или даже больше человек, то получалось вообще почти даром.

Но в тот злополучный раз муж Клавдии решил шикануть. – Получил на работе премию, – шепотом поделился он с ней. – Отец о ней не знает, поэтому и не станет упрекать меня в расточительстве. А я хочу спустить деньги в твоём обществе.

Это желание напугало Клавдию. Она чувствовала за этим желанием какую-то неясную опасность, подстерегающую ее хорошо налаженный быт. Но муж ничего не желал слушать.

– У нас все хорошо! – лихорадочно твердил он ей. – Просто замечательно. А потом будет еще лучше! Поверь мне! Разве я когда-нибудь тебя обманывал?

И Клавдия поверила, потому что ей очень хотелось верить. В Адлере, куда прилетели молодые супруги, было жарко. Август в том году выдался очень щедрый. Супруги

каждое утро на завтрак объедались виноградом, свежими лепешками и домашним сыром. На обед они ходили в ресторан, где официанты в туго застегнутых белых костюмах старались предугадать каждое их желание. А по вечерам гуляли по набережной, кушали жаренное на углях мясо и пили легкое освежающее вино.

Жизнь казалась Клавдии прекрасной как никогда. Раньше она ездила отдыхать со своими собственными родителями, когда была еще маленькой. Потом, в школьные годы, Клавдия ездила на уборку томатов вместе со своими одноклассниками. И было это под Одессой. Из всей поездки Клавдии больше всего запомнились длинные ряды томатных кустов, густо увешанные темно-розовыми, желтыми или светло-зелеными плодами.

Собирать полагалось по несколько ящиков в день. Девчонки собирали, мальчишки таскали готовые ящики к стоящему неподалеку грузовику. Жара, духота, в нос лезла удушливая пыль. От томатных листьев, разогретых на солнце, крепко пахло помидорами. Вокруг жужжали насекомые. А пот со школьников лил в три ручья. Да, в Одессе было очень жарко. И такой отдых Клавдии совсем не понравился.

Потом они всегда ездили отдыхать уже с ребенком или с компанией друзей, но всегда с детьми. Шум, гам, суета. Кто-то хочет писать, кто-то пить, а кто-то и то и другое одновременно.

Одним словом, Клавдия впервые за свою супружескую

жизнь выбралась с мужем на отдых только вдвоем, и она была совершенно счастлива. У них начался второй медовый месяц, который, увы, закончился так внезапно и трагически.

– В тот день мы пошли на наше излюбленное местечко. Была у нас неподалеку от домика, который мы снимали, облюбована одна маленькая бухточка. Тихо там было, ни души вокруг. Нам там нравилось. И мелко, и вода очень теплая.

Но уже подходя к бухточке, муж внезапно передумал.

– Ну ее! – отмахнулся он. – Скучно! Каждый день сюда ходим. Давай чего-нибудь новенькое себе подыщем?

С тех пор прошло много лет. Но Клавдия не переставала думать о том, как бы повернулась ее жизнь, если бы она тогда переспорила мужа.

– И ведь не хотелось мне никуда идти, – призналась она. – Видать, сердцем чуяла что-то неладное.

Но муж настаивал. И Клавдия покорно потопала за ним к обрывистому берегу.

– Очень живописно! – восхищался муж, но Клавдии так не казалось.

Бухта с мелким галечным пляжем привлекала ее гораздо больше. Сидеть на острых камнях было неудобно. Лечь и позагорать просто невозможно. Да еще и муж надумал повеселить Клавдию и нырять с большого камня.

– А вот я ласточкой! А вот солдатиком! А вот я так! А вот этак!

– Саша, – просила и почти умоляла мужа Клавдия, – уго-

монись. Не мальчик ведь уже. Что ты, право слово, дурачишься?

Но мужа ее упреки раззадорили еще больше.

— Ах, вон ты как! — воскликнул он, лукаво улыбаясь. — Не веришь, что твой муж — настоящий Тарзан?! Тогда смертельный номер! Прыжок с семиметровой высоты!

И муж начал карабкаться на высокий камень.

— Смотри! Я прыгаю!

Но Клавдия демонстративно отвернулась, не желая смотреть на дурака. Повернулась она лишь после того, как услышала шлепок о воду. Тогда она стала ждать, когда муж вынырнет. Время шло, а он не показывался. Сначала Клавдия решила, что муж таким образом мстит ей за невнимание к его прыжку. Он частенько пугал Клавдию, оставаясь под водой дольше обычного времени. А потом выныривал и от души хохотал над вытянувшимся лицом Клавдии, уже готовой заплакать.

Обычно Клавдия принималась считать. И на тридцати муж выглядывал. Увы, в этот раз муж не вынырнул ни на тридцати, ни на шестидесяти, ни даже на ста. Поняв, что случилось нечто ужасное, Клавдия заметалась по берегу, зовя на помощь. Прыгать в воду сама она не рискнула. Клавдия плавала очень плохо. И, вместо того чтобы спасти мужа, могла утонуть сама.

Но пока призывы Клавдии слышали, пока прибежали на помощь, пока деревенские ребята стали нырять, стараясь

найти Сашу, все было уже кончено. Муж утонул окончательно. И никто не скрывал от Клавдии этой горькой правды.

– Одним словом, как я вернулась домой, не помню. Наверное, на самолете, но перелета не помню. Свекр встретил меня в аэропорту. Он был в ярости. Что он мне наговорил, даже сейчас не хочу этого вспоминать. Как будто это я заставляла его сына прыгать со скалы!

– Ему было больно. Он ведь потерял сына.

– Ему – да! Ему было больно. А мне? Мне было еще хуже! Сашка содержал нас с ребенком. Не стало его, мне пришлось вдвое больше работать самой. Ванька в результате частенько оставался без присмотра. И вот и стал наркоманом. И кто в этом виноват? Конечно они – Воронцовы! Это их дурная кровь! В нашей семье таких ужасов отродясь не случилось!

– Что вы имеете в виду? – удивилась Мариша.

– А то! Проклятие у них в роду есть. Подробностей я не знаю, но всегда в роду разом две смерти по мужской линии случаются. Если отец умирает, то следом обязательно на тот свет уходит его старший сын.

– Обязательно старший?

– Да. А младший остается на земле. Он и продолжает род.

– А-а-а! Вот почему вы сказали, что не удивлены тем, что ваш свекр и Николай погибли почти одновременно. И вы вините в их смертях это проклятие?

– Да! Оно виновато! А мой Ванька никого не убивал. Деда он любил. А Кольку обожал. Если бы он кого и решил уко-

кошить, то уж точно не их!

— Но ваш сын употребляет наркотики.

— Ну и что? Он все равно хороший мальчик. Во всяком случае, он не убийца. Нету в нем этой жестокости. Никого он убить не мог. Да и зачем? Это все проклятие рода Воронцовых работает. Это его работа.

Интересно у нее получается! Но ведь само проклятие убить никого не может. Ему должны помочь конкретные руки. Если бы смерть Воронцовых наступила от несчастного случая или от болезни, тут еще можно говорить о проклятии. Особенно если болезнь наследственная и передается из поколения в поколение от отца к сыну.

Но ведь Николая и старика Воронцова убили! Обоим разmozжили головы. И тут уж одним проклятием было убийств не объяснить. Оружие держали вполне конкретные руки. И Маришина задача заключалась в том, чтобы эти руки найти.

Поняв, что от Клавдии она ничего больше не узнает, Мариша выяснила точный адрес убитого старика и отправилась к нему.

Возможно, соседи погибшего коллекционера смогут рассказать Марише больше, нежели узнали от них оперативники.

Бредя к нужному ей дому и просматривая таблички с номерами, Мариша не переставала думать о Клавдии. Стран-

ная женщина, она явно недолюбливает членов семьи своего мужа. Видимо, в свое время они попортили ей много крови. Но ведь ее сын общался и с дедом, и с дядей. Они были одной семьей, долгое время их связывали родственные узы. Дед и дядька заботились о сыне Клавдии, помогали ей самой.

Однако, узнав об их гибели, Клавдия не выразила никакого сожаления.

– Ей их совсем не жаль. И к тому же теперь ее сын и она становятся наследниками Николая и Ивана Алексеевича. Уж не в этом ли причина их убийства? Правда, в убийстве подозревают сына Клавдии. А убийцы не могут наследовать за своими жертвами. Но знает ли об этом сама Клавдия?

Мариша затруднялась с ответом на этот вопрос. Подозревать Клавдию в организации двойного убийства она не спешила. Но все же что-то странное в манере поведения Клавдии и в том, как она восприняла новость об убийстве своих родственников, определено было.

Найдя нужный ей дом, Мариша была приятно поражена его видом. Дома на Лиговском проспекте в своем большинстве представляли жалкое зрелище. Что поделаешь, район этот никогда не считался элитным. Тут селились рабочие и мелкие служащие предприятий. Богачи и знать предпочитали местечки почище и поприятнее – Невский, набережную Невы, а в крайнем случае застраивали речки поменьше – Фонтанку, Мойку и другие.

Например, Клавдия жила в настоящей развалюхе, с узки-

ми стертými лесенками и убого низкими потолками. Дом стоял внутри двора, всеми своими, надо сказать, весьма немногочисленными окнами глядя во двор-колодец.

Но дом, в котором проживал Иван Алексеевич, был шестизэтажным, с красивыми карнизами и балкончиками. Отличный дом. Старик жил на четвертом этаже И как вскоре узнала Мариша, до революции этот этаж целиком принадлежал семье Воронцовых.

– Говорят, это был подарок самого императора Воронцовым. А уж за что он так отличил их фамилию, этого я вам сказать не могу, не знаю. Вот покойный Иван Алексеевич знал, да только сам не любил говорить на эту тему. А я его и не спрашивала. Кто я ему такая, чтобы в душу лезть?

Говорила это маленькая проворная старушка, жившая на первом этаже в том же доме, что и Иван Алексеевич, и бывшая его другом, слушательницей, поварихой и домработницей. Сама старушка объясняла эти отношения просто:

– Дружили мы с Иваном Алексеевичем. Я – одна. Он – один. Не работаем. Оба на пенсии. Времени свободного у каждого из нас много. Я к нему почти каждый день приходила, еду готовила, убиралась, белье в стиралку закидывала. Работы немного, Иван Алексеевич очень аккуратно и ел, и пил, и жил. Иной раз посмотришь, а кушал ли он вообще? В мойке одна-единственная тарелка стоит, нож, вилка. Их сполоснуть, минуты не надо. Ну, еще одежду в порядок приводила. И его, и Коленькину. Он ведь холостой. Неко-

му о мальчике позаботиться. Вот я ему вместо матери и была. А потом мы с Иваном Алексеевичем садились и вкусно так за жизнь беседовали. Оба люди с образованием, начитанные. Нам было о чем поговорить. Он много чего знал, бедный Иван Алексеевич. Всю жизнь историю искусства изучал. Такой человек... Такой! Таких больше уж нету!

И старушка, не скрывая своих слез, горько заплакала. Похоже, соседка любила погибшего коллекционера искренне и от всей души. И сейчас тяжело переживала его смерть.

– Как Николашенька все это переживет, даже и не знаю! – вздохнула она наконец, а Мариша открыла от изумления рот.

Она ничего не знает об убийстве Николая! Впрочем, чему тут удивляться? Конечно не знает. Кто ей сказал? Даже в отделении, где работал Николай Воронцов, еще вряд ли осознали, что их товарища больше нет в живых.

– А у Николая с отцом были хорошие взаимоотношения?

– Конечно. Они обожали друг друга.

– Николай часто бывал у него?

– Каждую неделю! А то и чаще. А созванивались они ежедневно.

– Значит, они были близки? У отца не было от сына секретов?

– Полагаю, что нет. А к чему вы это спрашиваете?

Эх, если бы Мариша сама это знала! Но пока она знала только, что убиты два человека – отец и сын. И проклятие рода Воронцовых к этим убийствам имеет лишь самое отда-

ленное отношение. Но про проклятие они поговорят потом, Мариша это точно решила. А сейчас надо прояснить более насущные вопросы.

– Скажите, в день убийства к Ивану Алексеевичу кто-нибудь приходил?

– Так Ваня и приходил!

– А кроме внука?

– Был еще один посетитель, только он попозже приходил.

– После Вани?

– Да. И Иван Алексеевич после его ухода был жив и здоров.

– Вы его видели? Этого последнего посетителя?

– Можно сказать, что и да.

– Как это?

– Я слышала его голос. И видела его торс. Я крикнула Ивану Алексеевичу, что поднимусь к нему, не против ли он? Но он мне не ответил. Сразу же захлопнул дверь, из чего я заключила, что он занят и соваться к нему не надо.

– Не очень-то вежливо, – заметила Мариша.

– Я сама виновата! – поспешила оправдать покойника старушка. – Сунулась к нему не вовремя. Тот человек Ивана Алексеевича чем-то сильно рассердил. И он еще не ушел, а тут я под горячую руку. Хорошо еще, что Иван Алексеевич просто дверь захлопнул и ничем меня не шугнул.

– Вы к нему очень снисходительны, – заметила Мариша. – Выходит, Иван Алексеевич был горячего нрава человек?

– На моей памяти он из себя ни разу не вышел. Разве что, когда его старший сын погиб. Тогда он кричал. Не на меня, разумеется, на свою невестку. Это она мужа не уберегла, а потом еще денег приходила кланчить. Дескать, пенсия по утере кормильца очень маленькая. На растущего мальчика не хватает. Такая наглость!

– Наглость?

– Сама мужа не уберегла, а у деда взяла моду деньги кланчить! Вот Иван Алексеевич и осерчал на нее.

– Но вы же сказали, что в день своей смерти Иван Алексеевич снова был в гневе, – поспешно перевела разговор Мариша в другое русло.

– Да. Это во второй раз с ним случилось. В первый раз, когда сын у него погиб. И вот недавно во второй. Кричал, спорить не буду, громко кричал.

– А что кричал-то?

– Чтобы посетитель его вон убирался. Я даже испугалась, что случилось-то. Собственно говоря, потому и высунулась, что очень любопытно мне было, чем же таким Иван Алексеевич разгневался? Кто у него там?

– И кто был? – полюбопытствовала Мариша. – Какой-то знакомый?

– Не могу сказать. Лично я видела этого человека в первый раз.

– А описать его можете?

– Могу! – неожиданно быстро откликнулась старушка. –

Лицо у этого мужчины такое неприятное было, что прямо удивительно! Столько времени уже прошло, а он все перед глазами у меня стоит.

– А что не так было с его лицом?

– Ой, все не так! – замахала руками старушка. – Во-первых, сам из себя очень бледный. Во-вторых, нос крючком, а губы ярко-красные. Под глазами черные круги. И одет был не по-людски! В какой-то плащ с капюшоном! Черный! А подкладка белая! Кто такое сейчас носит? Да никто! Такая мода лет двести назад прошла. Да еще у нас на лестнице не очень светло. Я когда его увидела, прямо так и обмерла. Господи, думаю, что за страшилище по ступенькам топает? Не иначе как сам князь Влад Дракула к нам в гости пожаловал!

– Значит, вы этого гостя хорошо рассмотрели?

– Рассмотрела, но вот кто он такой, сказать не берусь. Отродясь к нам в дом такие гости не заглядывали.

– Но ваш сосед все же этого человека знал?

– Знал, – кивнула старушка. – Ведь Дракула этот из квартиры Ивана Алексеевича выходил. Значит, Иван Алексеевич его к себе впустил? А я вам так скажу, Иван Алексеевич очень осторожно жил. И никого посторонних никогда к себе не впускал.

С одной стороны, Маришу заинтересовал этот бледный Дракула. Судя по рассказу старушки, весьма колоритный тип. А с другой стороны, граф ушел, когда старик был еще жив. И следовательно, ткнуть его по затылку никак не мог.

Разве что потом передумал, вернулся да и убил старика.

– Скажите, а больше никто в тот день не приходил?

– Нет. Ваня должен был прийти. Иван Алексеевич еще накануне вечером мне сказал, что утром ждет внука к себе. Но я Ваню, если честно, не видела.

– А потом что-нибудь из квартиры Ивана Алексеевича слышали?

– Нет. Ни звука. А потом у меня свои дела были. Я в поликлинику пошла. Там несколько часов провела. Домой пришла без сил. К Ивану Алексеевичу и не заглядывала больше.

Мариша поняла, что старушка была все же немного обижена на своего приятеля за невнимание и решила таким образом показать ему, что он был не прав. Но обиды обидами, а кто убил Ивана Алексеевича, было до сих пор не понятно.

Оставалось два варианта. Либо найти пропавшего внука коллекционера, либо того графа Дракулу в темном плаще, о котором рассказывала соседка Ивана Алексеевича. Но где искать обоих?

И Мариша попыталась еще кое-что разузнать у старушки.

– А граф Дракула выходил от Ивана Алексеевича с пустыми руками?

– Ну, возможно, что-то он под плащом и спрятал, но вся украденная коллекция, конечно, там бы не поместилась. У Ивана Алексеевича, знаете ли, в коллекции были весьма крупные вещи, картины.

– А вы в курсе того, что именно вынесли воры?

Сама Мариша по телевизионному репортажу имела представление лишь о нескольких украденных вещах. Оказалось, что воры забрали куда больше. И к тому же брали не все подряд, а выбрали наиболее ценные экспонаты коллекции.

– Я почему знаю, потому что эти вещи мне Иван Алексеевич неоднократно показывал и рассказывал о них.

– А можете поименно их перечислить?

– Ну, во-первых, бронзовая статуэтка богини. Она была не совсем в духе коллекции Ивана Алексеевича, он больше увлекался серебряными изделиями, да к тому же и более позднего времени. Девятнадцатый век считался им эпохой расцвета предметов повседневного обихода, сделанных из серебра. А бронзовая статуэтка относилась к куда более ранним, еще языческим временам. Тем не менее ее художественная и историческая ценность была крайне велика.

– И как же эта статуэтка попала в коллекцию к Ивану Алексеевичу?

– Ах, не спрашивайте меня об этом. Иван Алексеевич своих источников не раскрывал.

Марише это сильно не понравилось. Всем известно, что таким вещам место в государственных музеях. Но Иван Алексеевич предпочитал владеть ценностями самолично. Что же, это его дело. Но все же следует предположить, что далеко не все экспонаты попадали к нему законным путем. Часть их явно имела криминальное происхождение.

– А что еще пропало?

– Пара картин кисти известных живописцев. Но я в живописи совсем не разбираюсь. Знаю только, что это были пейзажи. Висели в кабинете у Ивана Алексеевича. Я их видела неоднократно. Но лично мне больше нравились изделия из фарфора.

– Они тоже пропали?

– Нет. Все на месте. Пропал серебряный набор для умывания, принадлежавший фамилии Романовых. Какая именно княжна им пользовалась, не скажу. Возможно даже, что и сама императрица.

– И много в наборе было предметов?

– Он занимал у Ивана Алексеевича всю поверхность стола. Перечислить их вам?

Заметив, как оживилась старушка, Мариша кивнула:

– Сделайте, пожалуйста, такое одолжение.

Старушка оживилась еще больше и начала:

– Во-первых, большое зеркало в массивной серебряной оправе. Оно стояло на красивых литых подставках в виде лап грифона. Перед зеркалом на поверхности стола в строгом порядке стояли разнообразные кувшинчики, тазик, плошечки. Между ними аккуратно лежали какие-то щетки, маленькие ручные зеркальца, пудреницы и прочие мелкие предметы. Все сделано из литого серебра с эмалью. Очень тонкая ручная работа.

– И воры весь этот набор унесли?

– Да.

Хм, Мариша мысленно уже подсчитывала стоимость пропажи. Ну, картины можно свернуть в трубочку. Статуэтка языческой богини была не очень велика. Но тяжелое серебряное зеркало незаметно под одеждой никак не спрячешь! Не говоря уж про кувшины для воды и прочие объемные принадлежности царского туалета. Даже если ты одет в широкий плащ, все равно кувшины и ковшики с ручками будут выступать из-под него.

И потом, живой и бодрый Иван Алексеевич вряд ли стал бы молча наблюдать за тем, как его гость обвешивается экспонатами его коллекции, а затем безропотно отпустил грабителя с миром. Нет, он бы поднял шум, сделал все возможное, чтобы помешать грабителю. Значит, граф Дракула не вор!

Но все же Мариша не видела другого выхода, кроме как попытаться разыскать этого типа. Вот только как это сделать? Где в современном мегаполисе искать гнездо вампиров?

Глава 5

Мариша вышла на улицу и жадно вдохнула свежий прохладный воздух. Уже отчетливо ощущалось наступление зимы. Повсюду на деревьях, кустах и тротуарах лежал снег. И воздух неприятно покалывал лицо тысячами ледяных иголочек. Поэтому одного вдоха Марише оказалось более чем достаточно. Она быстро пробежала к своей машине, включила печку и принялась думать.

Время еще не очень позднее. Разговор с соседями убитого коллекционера не занял у нее много времени. Да, собственно говоря, и беседовать было не с кем. Никто, кроме любезной старушки с первого этажа, Марише своей двери не открыл.

Мариша еще успела осмотреть чердак и подвал. Вернее, она попыталась это сделать, просто так, на всякий случай. Но на дверях висели массивные замки, покрытые толстым слоем пыли. И становилось ясно, что к ним долгое время никто не прикасался. И следовательно, на чердаке и в подвале искать нечего. Грабитель не приносил и не прятал там украденные у коллекционера ценности.

Взглянув еще раз на часы, Мариша снова подумала, что она сегодня запросто может поехать еще куда-нибудь. Но вот только куда?

Рассеянный взгляд Мариши блуждал по улице. Как много людей! И куда они все так торопятся? Лица у всех озабо-

ченные и серьезные. А у некоторых даже угрюмые. Впрочем, оно и понятно, когда метет противная колкая поземка, редко кого потянет улыбаться во весь рот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.